

ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

КНИЖНАЯ
ВОЛШЕБНИЦА.
ЖИТЬ ЗАНОВО

Лариса Петровичева

Книжная волшебница.
Жить заново

«Автор»

2026

Петровичева Л.

Книжная волшебница. Жить заново / Л. Петровичева —
«Автор», 2026

Однажды Эльзе пришлось умереть и попасть в собственное прошлое, чтобы спасти короля от заговора своего мужа. Теперь она предпочитает тихую жизнь библиотекаря в академии магии. Но академия хранит свои проклятия и тайны, и под угрозой жизнь другого человека, её нового начальника, лорда Берна Скалпина. Сможет ли Эльза вновь использовать силу, вернувшую её во времени, чтобы раскрыть все тайны, расследовать преступления и исцелить сердце хранителя библиотеки?

© Петровичева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Г	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Петровичева

Книжная волшебница. Жить заново

Глава 1

Эльза ощутила выстрел, как удар в грудь.

За четверть часа до этого она шла по коридору особняка, в который они с Лионелем переехали перед новым годом, и думала, как вечером муж повезет ее в театр. В Малом королевском сегодня давали “Сельскую жизнь”, и Лионель, который, в общем-то, не был завсегдатаем театральных постановок, вдруг предложил поехать. После спектакля они собирались заглянуть к леди Торстон – та давала бал, и Эльза невольно улыбалась, когда думала о том, как будет танцевать.

Эльза хотела спросить Лионеля о чем-то незначительном, вроде цвета платья – подошла к кабинету, в котором муж всегда проводил время до обеда, если не уезжал по делам, и вдруг услышала голос генерала Шоу, старого друга их семьи, почти родственника:

– Что же касается денег, то я еще одиннадцатого все вывел на Гиасовы острова. Финансовую проверку обещают только через полгода, а к этому времени нас уже никто не посмеет проверять.

Почему-то Эльза напряглась. Остановилась у дверей, опустила пальцы на ручку и застыла, стараясь ничем себя не выдать. Что-то было не так, и она хотела узнать, что именно.

– Ты просто гений. Мятеежи не делаются без денег, правда? Я в ужас прихожу, когда думаю, сколько придется раздать, чтобы заткнуть все рты.

“Мятееж”, – испуганно повторила Эльза. Страх, ледяной и липкий, скользнул по коже, словно червяк.

Как Лионель может говорить о каком-то мятееже? Он генерал, он личный друг его величества. Может, имеются в виду учения? Маневры?

Во всем этом было что-то очень неправильное. Это что-то не вязалось с жизнью молодого генерала, который вывозил жену в свет, интересовался живописью и завтра собирался вместе с Эльзой на детский праздник к своему племяннику. Они ведь выбрали для Тотто отличную игрушечную лошадку...

– Да ладно тебе, какой я гений? Я просто хочу видеть на троне своей страны нормального правителя, а не это недоразумение, – с искренним уважением произнес Шоу. – Ну что, двадцать первое? Личный полк еще на учениях в Приморье, спасти тирана будет некому.

– Двадцать первое, – глухо откликнулся Лионель, так, словно подводил черту под самым важным решением в жизни. – Решено!

На мгновение Эльзе сделалось холодно, потом холод сменился жаром и снова вернулся, заставив ее задрожать. Она закусила костяшку указательного пальца, чтобы не выдать себя нечаянным взгласом.

Лионель мятеежник? Лионель хочет свергнуть государя?

Ей хотелось закричать. Ноги прилипли к полу, во рту сделалось сухо. Из кабинета донесся звон и плеск – по бокалам что-то разливали.

– Волнуешься? – с искренней заботой спросил Шоу, и Эльза услышала, как усмехнулся муж.

– У меня кружится голова. Завтра! Завтра все решится. Мы так долго к этому шли, и вот осталось только протянуть руку.

Звякнули бокалы, соприкасаясь краешками.

– Официально объявим, что его величество Александр и старшие принцы скончались от точечного удара чумных чар, – с нескрываемым удовольствием произнес Лионель, и Эльза сказала себе, что там внутри какой-то подменыш, демон, который забрал лицо и голос ее мужа. Лионель был благороден и добр, великодушен и смел, он был настоящий рыцарь, он не мог говорить такие ужасные слова с таким тоном сытого хищника!

– Народу все равно, на чьей голове корона, – заметил Шоу. – Народ озадачен ростом цен, качеством дорог и здоровьем детей. А если кто-то станет задавать лишние вопросы... что ж, случится еще один точечный удар чумных чар. Кстати, твоя жена любит фиалки?

– А что?

– Ну не у тебя же фиалковые духи? Чувствую их запах.

Эльза сделала крошечный шаг назад. Бежать! – заорал внутренний голос. Беги, дура, спасайся! Тебя обнаружили!

Но она была настолько ошарашена и потрясена, что больше не двинулась с места. Лионель ее муж, он просто должен взять и все рассказать ей. Вот сейчас она войдет в кабинет, спросит, что это значит, и он обязательно все ей объяснит!

Двери распахнулись, и Лионель вышел в коридор. Бледный, с лихорадочными пятнами на щеках, он поднял руку, и Эльза увидела пистолет.

Генерал молчал. В его взгляде не было ни сочувствия, ни сожаления.

А потом тяжелый горячий кулак ударил Эльзу в грудь – и после этого она слышала грохот выстрела, далекий-далекий.

За ударом пришел огонь – разлился по телу, вышибая из него жизнь. Лионель опустил пистолет – в его взгляде сейчас дымилась такая ненависть, что Эльза еще успела удивиться: как обожаемый муж может так на нее смотреть?

Они ведь любили друг друга. Они ведь правда любили.

Правда ли? Уже неважно.

Она качнулась и начала падать с лестницы. Лицо Лионеля дрогнуло и уплыло в сторону, растаяло, исчезло навсегда. А Эльза все продолжала падать, и звуки, запахи, ощущения – весь мир, весь ее мир! – вдруг растянулись и замедлились.

“Я бы никому не рассказала”, – подумала она перед тем, как все вокруг заволочло туманом. Но это тоже больше не имело значения. Как и то, что умирать в девятнадцать лет от руки любимого мужчины бесконечно жестоко и несправедливо.

Туман был густым, в нем то и дело вспыхивали золотые змейки мелких молний, и это было совсем не похоже на то, что рассказывали о загробном мире. Не было здесь ни облаков, ни сияющей лестницы, по которой чистые души поднимались в рай, а нечистые уходили в пекло. Ничего не было, кроме этого тумана.

Эльза не знала, сколько времени парила в нем. Отчаяние и бесконечная боль – вот были чувства, которые она забрала из мира живых. Отчаяние от того, что она узнала о планах, которые, оказывается, разрабатывал Лионель с товарищами, и боль от того, что ничего не успела сделать со своим открытием.

Она даже обдумать его не успела.

Туман качнулся, и Эльза вдруг обнаружила в нем прорехи. Сквозь них проникал яркий свет солнечного летнего дня, виднелась пышная зелень парка и край беспечно-голубого неба. Эльза еще успела подумать, что это, наверно, и есть рай – а потом ее толкнуло в спину, и она сорвалась во тьму...

– Леди Эльза?

Чьи-то пальцы похлопали ее по щеке, у носа повеяло нюхательной солью, и Эльза открыла глаза.

Первым, что она увидела, было встревоженное лицо мужа – Лионель склонился над ней, в его взгляде был нескрываемый испуг и что-то еще, почему-то похожее на стыд, словно Эльза сделала что-то стыдное. На его щеке красовалась царапина – оставил котенок младшей сестры.

Царапина. Эльза зацепилась за нее, не в силах оторвать глаз. Царапину котенок оставил неделю назад, она уже успела зажить к тому моменту, как Лионель выстрелил в свою жену.

Но сейчас она была на месте. Свежая.

– Эльза? – испуганно спросил Лионель. – Эльза, дорогая, что с тобой?

Откуда-то справа послышалась мягкая усмешка и голос государя Александра дружески произнес:

– Может, у вас скоро будет наследник, господин генерал?

– Мне очень хочется на это надеяться, ваше величество... Эльза, как ты?

Государь здесь. И царапина на щеке Лионеля, еще свежая.

Эльзу качнуло, но она устояла на ногах. Сжала руку мужа, ту самую, которая несколько мгновений назад выстрелила в нее. Посмотрела по сторонам.

Солнечный день – теплый, тихий, без ветерка. Бесчисленные ласточки в небе над королевским парком, пышные розы склоняют головки на клумбах... но уже к вечеру начнется дождь, настоящая буря, и Лионель будет жаловаться на старую рану.

– Какой сегодня день? – спросила Эльза, переведя взгляд на мужа, еще любимого, еще не убийцу.

– Двенадцатое, – ответил он. Его волевое лицо с твердыми чертами было переполнено волнением, и Эльза, вглядываясь в светло-голубые глаза Лионеля, подумала: неужели он меня уже разлюбил? Настолько, что застрелил, не задавая вопросов?

Ему нужно было спасти свою тайну. Сделать все, чтобы мятеж кончился удачей – что рядом с короной жизнь какой-то влюбленной дурочки? Когда Лионель станет государем, к нему выстроится очередь из девушек намного лучше, чем Эльза.

Она отбросила ненужные горькие мысли. Значит, сегодня двенадцатое. А Лионель стрелял в нее девятнадцатого. А одиннадцатого генерал Шоу как раз организовал перевод денег на особый счет – Эльза услышала это перед тем, как распахнулись двери.

Его величество Александр смотрел на нее с нескрываемым интересом. Уже немолодой, но по-прежнему привлекательный, с редкими рыжеватыми волосами, зачесанными назад – да, они встретились во время прогулки в парке как раз двенадцатого, почти в полдень. Лионель еще, помнится, пошутил по этому поводу.

Но если так, то получается, Эльза вернулась в свое прошлое. Ее не пустили к лестнице, ведущей на небеса, а отправили обратно, чтобы она успела все изменить...

Это было подлинное безумие – но Эльза сейчас решила не думать, что безумно, а что нет. Она повела плечами, освобождаясь из объятий мужа, схватила государя за руку и негромко, но твердо проговорила:

– Ваше величество, позвольте побеседовать с вами наедине. Это не терпит отлагательств.

Это было сказано настолько решительно, что Александр кивнул и аккуратно переместил задевшие пальцы Эльзы на свой локоть, как принято для прогулки.

– Разумеется, леди Эльза. Четверти часа нам хватит, я думаю.

Ноздри Лионеля шевельнулись, как всегда, когда он испытывал нарастающий гнев, но старательно его скрывал. Генерал понятия не имел, о чем его жена собирается разговаривать с королем, но чутье, которое, во многом, и сделало его генералом, кричало, что дело нечисто.

Александр отвел Эльзу подальше и усадил на скамью так, чтобы она оказалась спиной к мужу. Эльза вздохнула, дотронулась до груди и на мгновение замерла, испугавшись, что наткнется на рану.

Ничего. Чистая кожа. Ни капли крови.

Двенадцатое. Выстрел еще не прозвучал. До выстрела еще неделя.

– Так о чем вы хотели поговорить, леди Эльза? – Александр улыбнулся, и Эльза вспомнила, что когда-то их деды приятельствовали. Мать даже позволяла себе мечтать о том, что однажды Эльза может выйти замуж за одного из младших принцев в память этой дружбы.

– Против вас составлен заговор, ваше величество. Мой муж его возглавляет, – выдохнула Эльза, и спокойное ровное выражение на миг покинуло лицо короля.

Впрочем, Александр почти сразу же принял уверенный, чуть скучающий вид. Посмотрел куда-то вперед: Эльза подавила желание обернуться на Лионеля, который ждал ее. Который выстрелил, когда она узнала правду.

– Вместе с ним генерал Шоу, – продолжала Эльза, надеясь, что Александр не объявит ее безумной. Что выслушает до конца и позволит всех спасти. – Вчера Шоу перевел крупную сумму денег со счетов министерства в один банк на Гиасовых островах. Они планируют выступить двадцать первого, к этому времени у них все будет готово.

Она машинально прижала руку ко рту, словно клятва быть вместе в горестях и в счастье, которую Эльза дала мужу во время венчания, пыталась остановить ее слова. Александр вздохнул, и Эльза поняла, что ей верят.

– Подслушали разговор мужа? – со светской небрежностью осведомился король. Эльза кивнула. Разумеется, не стоило рассказывать, чем закончилось подслушивание – Александр тогда решит, что она безумна, и ничего не станет проверять.

И тогда двадцать первого на столичные улицы выведут полки, и начнется восстание. И Бог знает, сколько народу оно с собой заберет.

– Он хочет занять престол Алавии, – сказала Эльза. – Лионель же из дома Гвиари, он имеет отдаленные права...

– Я знаю, – кивнул Александр. – И вы не захотели стать королевой, леди Эльза?

“Я не успела ничего захотеть, – подумала Эльза. – Лионель убил меня”.

Сама эта мысль сейчас звучала жутко и кошунственно.

– Наши деды дружили, – промолвила Эльза. – Я никогда не предала бы память этой дружбы, ваше величество.

Александр кивнул. Покосился на двоих здоровяков дворцовой охраны, которые стояли на карауле чуть поодаль – они бросились к государю, готовясь исполнять приказ.

– Немедленно арестовать Лионеля Гвиари по подозрению в государственной измене, – распорядился Александр, и Эльза вздохнула с облегчением. Все-таки поверил, а не отмахнулся от нее.

Здоровяки поспешили к генералу, послышался шум и возня. Эльза хотела было обернуться, но король придержал ее за руку, и она была вынуждена смотреть ему в лицо.

– Его казнят? – спросила Эльза, и в груди заныло.

Александр пожал плечами.

– Сперва допросят с пристрастием и его, и генерала Шоу. Выявят остальных участников заговора... и если это правда, я ваш вечный должник, Эльза.

– Это правда, – прошептала Эльза, и в носу защипало. К глазам подкатили слезы, и она подумала: “Правда, за которую я расплатилась собственной жизнью”.

Лионель закричал, перемежая имя жены с отборной армейской бранью. Эльза зажмурилась и опустила голову, Александр по-прежнему держал ее за руку, и прикосновение говорило о том, что все это правда.

Она вернулась в прошлое и исправила свое будущее. Отменила собственную смерть.

Теперь надо было понять, что делать с новой жизнью.

– Ты подслушивала, тварь! – истошно заорал Лионель, и по щеке Эльзы сбежала слеза. Она опустила голову, боясь оборачиваться. Мимо протопали другие караульные на помощь первым. – Ты меня предала!

– Вот он и признался, – негромко и с искренним сожалением произнес король. – Заметьте, даже без допросов.

Эльза подняла голову. Посмотрела в лицо Александра, усталое и потемневшее.

– Что теперь со мной будет? – спросила она. Король неопределенно пожал плечами.

– Дом Гвиари очень большой. Полагаю, родственники господина генерала захотят отомстить вам.

Эльза вздохнула. В груди снова стало ныть, словно пуля и правда была там. Судя по воплям и шуму, Лионеля-таки поволокли прочь.

“Не оборачиваться, – сказала себе Эльза. – Я и так достаточно увидела и услышала”.

– Побудьте пока в гостевых покоях, вас сопровождают, – распорядился король, и рядом со скамейкой выросла женская фигура: немолодая дама в темно-сером платье сжимала в руке молитвенник и смотрела спокойно и строго, словно учительница на провинившуюся второклашку. – И спасибо вам, Эльза. Можно сказать, вы сегодня спасли династию.

“На самом деле я хотела спасти только себя,” – подумала Эльза. Александр поднялся со скамьи, она тоже встала, и король пообещал:

– Я позабочусь о вашей безопасности. С вами все будет в порядке, Эльза. Даю слово.

День казался бесконечным.

Дама в темно-сером отвела Эльзу в гостевые покои дворца. Окна выходили на парк и озеро, по спокойным водам пошла первая рябь – на столицу надвигалась буря, но небо было таким беспечным, а солнце таким ярким, что никто не поверил бы в идущую непогоду.

Гостиная была оформлена в нежно-голубых тонах и обставлен с воздушной роскошью. Наверно, здесь останавливались жены почетных гостей – лазурно-персиковую с цветочным рисунком обивку мебели нельзя было представить в комнатах мужчины. Эльза прошла мимо небольшого камина из розового песчаника с орлом на фронтоне, гербом правящей династии, и подумала: вдруг это место станет моей тюрьмой? Уютной, светлой, но все-таки тюрьмой?

– Будет буря, – заметила она, не оборачиваясь на свою компаньонку.

– Обязательно, – коротко откликнулась женщина.

Желая скоротать время, Эльза прошла к книжному шкафу. Все книги были новенькие, их переплеты сверкали золотом, а страницы еще никто не разрезал. Эльза вынула “Диану”, великий роман в стихах Пьетро Тронкетти, провела пальцем по корешку, и книга отозвалась – открылась в середине, и Эльза прочла:

Когда надежды исчезают
Под гнетом мыслей грозных,
Когда мечты и счастье тают,
Беги с развалин дорогих,
Найди себя в дороге новой,
Найди спасение в труде...

Получалось так, что “Диана” пророчила ссылку. Эльзе и самой захотелось оказаться где-нибудь подальше от столицы. Вести не светскую жизнь благородной барышни, а затем генеральской жены, а заниматься каким-нибудь полезным тихим делом – так, чтобы все о ней забыли.

Господи, что скажут родители?! Мать и отец обожали Лионеля, они считали, что Эльзе бесконечно повезло выйти замуж за генерала и такого мужа надо любить и ценить. А она – она предала его. Поступила, как верная своему королю и отечеству, но мужа все-таки предала.

“Нет, – подумала Эльза, задумчиво перелистывая книгу. – Это он предал меня, когда убил одним выстрелом”.

Вспомнились почерневшие глаза Лионеля, его лицо, искаженное ненавистью и злобой, и Эльза прижала руку к шее, задыхаясь и пытаясь схватить побольше воздуха. Книга выпала из ослабевших пальцев – молчаливая компаньонка тотчас же подошла со стаканом воды. Эльза сделала несколько глотков и отставила стакан на подоконник.

– Держитесь, – сухо посоветовала компаньонка. – Нужно принимать свою судьбу стойко, какой бы она ни была.

Эльза машинально кивнула. Посмотрела в окно – ветер усиливался.

– Жизнь вообще требует большого мужества, – добавила компаньонка, и в это время открылась дверь.

Эльза не знала человека, который вошел в гостиную. Он был невысок и светловолос, одет в серый костюм, и казалось, что в помещение влетел мотылек – настолько блеклым и неприметным выглядел незнакомец. Будешь жить с ним год под одной крышей и так и не запомнишь его лица. Что-то было то ли во взгляде, то ли в осанке незнакомца, но Эльза тотчас же сделала реверанс.

– Госпожа Эльза Гвиари, ваш муж только что признался в государственной измене, – сдержанно произнес незнакомец, и Эльза опустила голову. – Его дальнейшая судьба не имеет к вам отношения, его величество Александр подписал бумаги о расторжении вашего брака. Имущество генерала Гвиари будет конфисковано в казну, но его величество выделяет вам ежегодное содержание в тысячу крон.

Тысяча крон каждый год до конца моих дней, повторила про себя Эльза. Самое простое из ее платьев стоило дороже.

Невидимая рука швырнула Эльзу в настоящий водоворот чувств. Страх, боль, горе, растерянность – все переплелось в ней, все смешалось, помрачая разум и не давая дышать.

Незнакомец открыл такую же серую папку, которую держал в руках, и принялся перелистывать бумаги.

– Его величество понимает, что дом Гвиари и его сторонники захотят отомстить вам за то, что вы поступили как истинная патриотка своей страны, – чопорно продолжал незнакомец. – Желая спасти вашу жизнь, его величество отправляет вас на север, в академию Гиладан. Академия стоит на природном магическом разломе, и его сила сумеет защитить вас. Никто извне не сможет причинить вам вреда, ранить или убить, будет он действовать магией или любым иным оружием.

Все-таки ссылка. Несколько минут назад Эльза не имела ничего против того, чтобы покинуть столицу – и все равно сейчас опешила.

“Он удалил меня из-за любви, – вспомнила Эльза другие строки Тронкетти. – Сбереечь желая, он меня отправил в страну, где пыль, пески и солнце вечно стоит в зените...”

Пол ушел из-под ног, и Эльзу качнуло. Сердце пропустило удар, а потом бешено забилося где-то в горле.

Новая жизнь – и ссылка в медвежий угол, дикое место, куда новости доходят с запозданием на два месяца, а люди из местных племен умеют превращаться в оленей. Восемь месяцев зимы, снег, тоска – и никаких спектаклей, балов, праздников, ничего из привычного, милого, домашнего.

Глупости какие. Она теряет дом и семью, друзей и родителей – мысль об этом была как укол в сердце, и Эльза не выдержала и разрыдалась.

Незнакомец ловко отбросил папку в одно из кресел, подхватил Эльзу под локоть, не давая упасть и заговорил намного мягче и сердечнее:

– Ну что вы, ну не надо так убиваться. Леди Эльза, государь и правда хочет вас спасти. Это не тюрьма и не оковы, а спокойная жизнь на севере, я был в Гиладане по долгу службы, там очень хорошо и уютно. А что белых медведей видно из окон замка... да, видно, но внутрь они не заходят. А вот олени все добрые и ласковые, с рук едят. У вас ведь есть образование, правда?

Эльза машинально кивнула. Выпрямилась, вытирая слезы и ругая себя за разыгравшиеся нервы. Начиналась новая жизнь, и ее компаньонка права: надо крепиться и держаться. Надо быть сильной, чтобы не потерять то немного, что осталось.

– Да, – прошептала она. – Я училась в колледже... стала младшим магом.

– Вот и хорошо, вот и замечательно, – продолжал незнакомец тем же мягким уговаривающим тоном. – Будете не просто жить, но и работать. Тамошнему лорду-хранителю библиотеки нужна помощница. Вы сами подумайте, разве это не чудесно – заботиться о книгах, быть в самом центре всемирной магической мудрости...

“Я ведь не смогла бы промолчать, – подумала Эльза. – Не смогла бы делать вид, что ничего не знаю, что не было этого выстрела. И скоро мой муж окажется в петле, а я в вечной северной ссылке без возможности возвращения...”

Когда-то нянюшка говорила: если ты что-то получаешь, за это нужно заплатить. Эльза получила новую жизнь и платила за нее – покидала дом, отправлялась на край света, к высоким соснам с золотыми стволами, серым скалам и бездонным озерам.

Как знать, может, там не все так плохо, как кажется.

Через два часа неприметный незнакомец принес новые документы на имя госпожи Эльзы Пемброук. Некоторое время Эльза смотрела на записи в паспорте, потом подняла голову и спросила:

– Официально я умерла? Казнена вместе с мужем?

Незнакомец позволил себе мягкую усмешку.

– Сосланы навечно без права переписки. Как и семьи остальных заговорщиков.

Эльза понимающе кивнула. Государь отблагодарил ее за правду, как сумел.

Через полчаса привезли два чемодана с торопливо собранными вещами. Щелкнув замочком, Эльза откинула крышку одного из них и увидела шкатулку со своими драгоценностями, несколько теплых платьев, чулки и белье. При мысли о том, что к одежде прикасались чужие равнодушные руки, Эльзу наполнило тошнотой. Во втором чемодане тоже были платья, осеннее пальто и несколько книг, а теплое пальто незнакомец принес в отдельном чехле.

– Пригодится! – весело заметил он. – Зимы там суровые.

Эльзу привезли на вокзал поздним вечером. Поезд стоял у платформы, проводник проверял билеты у пассажиров, и Эльзе на мгновение показалось, что она все-таки отправляется в царство мертвых. В античных легендах души перевозил лодочник, а теперь это делает поезд. Незнакомец в сером протянул проводнику билет и что-то шепнул на ухо; проводник окинул Эльзу пристальным взглядом, потом кивнул, и мальчишка-помощник поволок ее чемоданы внутрь вагона.

– Позвольте постоять еще немного, – сказала Эльза и невидимая рука сжала горло. На вокзале были люди – поздние пассажиры, носильщики, работники в ярких желтых жилетах – и Эльза смотрела на них, прощаясь навсегда.

Ночь в дороге – и новая жизнь на новом месте.

– Вы поступили правильно, – негромко произнес незнакомец. – Простите за такой вопрос, но... не могу не задать его. Неужели вам не захотелось стать королевой? Ваш муж мог бы свергнуть государя и занять трон, вы надели бы корону. Почему тогда?

Эльза улыбнулась, надеясь, что улыбка не выглядит жалкой. От газетного киоска отошел высокий молодой мужчина в хорошем костюме – нес чемодан, плащ был перекинут через руку.

И ты тоже прощай. Все вы – прощайте.

– Потому что я верна своей стране и своему государю, – откликнулась Эльза и подумала: “Потому что мой муж убил меня, чтобы сохранить свою тайну”.

– Не знаю, право, стоит ли... Ладно. У вашего мужа есть любовница. Боюсь, он сделал бы королевой...

Эльза махнула рукой.

– Неважно. Ничего не хочу больше слышать о нем.

Незнакомец понимающе кивнул. Мужчина с газетой подошел к ним и, поставив чемодан на перрон, окинул Эльзу цепким придиричивым взглядом. Так хозяйка выбирает на рынке хороший кусок мяса.

– Вот, доктор Берн, – улыбнулся незнакомец и легонько подтолкнул Эльзу – та машинально качнула головой. – Министерство образования не просто откликнулось на вашу просьбу, но и доставило помощницу прямо к вагону. Эльза Пемброук, прошу.

Он вручил доктору Берну какой-то конверт, и мужчина нахмурился, словно Эльза чем-то ему не понравилась. Он был высок и темноволос, загар на скуластом обветренном лице и руках говорил, что доктор провел лето на солнце, голубые глаза смотрели так, словно хотели прочесть все тайны Эльзы. Возле узкогубого рта был шрам.

– Доктор Берн Скалпин, к вашим услугам, – неохотно представился он, а незнакомец добавил:

– Лорд-хранитель библиотеки и с этого момента ваш начальник и наставник. Препоручаю вас его заботам и...

– Дурнушки не нашлось? – поинтересовался Берн. – Что такого натворила эта красавица, что ее решили запереть в наших стенах?

Незнакомец только руками развел.

– Берн, ты же знаешь. Некоторые вопросы могут стоять тебе головы.

Берн устало вздохнул. Протянул билет проводнику, и Эльза подумала: только бы не ехать рядом с ним!

– Ладно, тогда не спрашиваю. Эльза, вперед.

Он скомандовал так отрывисто и резко, что Эльза послушно подхватила край платья и стала подниматься в вагон по лесенке. Скалпин тяжелым движением подсадил ее под локоть – оказавшись в вагоне, Эльза сделала несколько шагов между рядов сидений и увидела на полке для багажа свои чемоданы.

Она опустила в мягкое кресло, пригодное как для комфортной поездки сидя, так и для сна, и посмотрела в окно. Незнакомец поднял руку, помахал, прощаясь, а потом быстрым шагом пошел прочь и растаял. Эльза понимала, что он просто свернул куда-то за киоски со сладостями, а не растворился в воздухе, но все равно это произвело впечатление.

Берн повесил свой плащ на крючок возле окна, опустился рядом с Эльзой, и только теперь она окончательно поняла, какой он высокий, крупный и сильный. Поерзав в кресле, лорд-хранитель библиотеки академии Гиладан устроился поудобнее, развернул свою газету и негромко произнес:

– В Гиладане очень скучно. Не советую вам развеивать скуку любовными романами.

– Я не читаю любовных романов, – недовольно откликнулась Эльза. Такие книги ей и правда не нравились, она предпочитала истории о приключениях и убийствах. До замужества, конечно: считалось, что замужней даме незачем тратить время на книжки.

– Конечно. Такие девушки, как вы, их не читают, а крутят, – сказал Берн, не глядя в сторону Эльзы. – Отношения, замужество, все такое – только не в академии Гиладан.

Эльза вдруг вспыхнула, как спичка. По щекам мазнул румянец, в груди стало ныть. Она развернулась к Скалпину и отчеканила:

– Вы понятия не имеете, какая я. И не смейте так со мной разговаривать.

Берн оторвался от газеты и посмотрел так, словно заговорила мебель. Поезд мягко качнулся сначала в одну сторону, потом в другую, и медленно-медленно поплыл вперед. Пассажиры в их вагоне почти не было: через несколько рядов двое господ купеческой наружности уже раскладывали на приставном столике буженину, хлеб и яйца с икрой, да супружеская пара в самом конце вагона все никак не могла устроиться поудобнее.

Почти без свидетелей. Скандаль, сколько душе угодно.

– Почему же, имею, – спокойно откликнулся Берн. – Вы светская барышня, которая влипла в беду. Ее отправили на север, от греха подальше, но вот загвоздка! На севере она захочет жить по старым привычкам – порхать, чаровать, кружить головы и студентам, и преподавателям. А я...

– Мой муж стрелял в меня сегодня днем, – едва слышно пробормотала Эльза, и Берн осекся. – И я сейчас еду на север, и не нужны мне никакие новые романы... и я вообще не могу смотреть на мужчин!

Лицо Берна вдруг смягчилось. Куда-то ушла язвительная редкость – теперь он смотрел спокойно и даже с сочувствием. В его взгляде Эльза встретила то сожаление, которого не нашла в глазах мужа.

– Ну хорошо, если так, – с неожиданным теплом произнес Скалпин. – Хорошо. Отдыхайте.

Поезд приехал на станцию Гиладан утром, и Эльза, глядя в окно, удивлялась, как все изменилось за ночь.

Вместо дубов и ясеней здесь росли сосны – их стволы, озаренные утренним солнцем, казались облитыми старым темным золотом. Насыщенно-голубое небо висело низко-низко, кругом были холмы и горы, а не привычные равнины, и Эльза, выйдя из поезда вместе с Берном, невольно залюбовалась местом, в которое ее забросила судьба. На севере уже царила осень, мир был оранжевым, красным и золотым, мир горел и не сгорал, и Эльза осторожно подняла алый кленовый лист, принесенный ветром на дощатое покрытие перрона.

Осень. Скоро начнется учебный год, и сюда начнут съезжаться студенты. Всюду облетающая позолота листвы, тонкий запах увядания, тоска – Эльза ощутила ее почти невесомое прикосновение.

К ним с Берном подошел широкоплечий парень, похожий на молодого медведя – темно-синяя шляпа терялась в буйных кудрях, форменный пиджак едва не трескался на мощных плечах, сумка на длинном ремне через плечо была чем-то плотно набита. Он улыбнулся лорду-хранителю библиотеки, с нескрываемым интересом посмотрел на Эльзу и спросил:

– Как доехали, доктор? Это что ж, супруга ваша?

Берн посмотрел так, что парень тотчас же опустил глаза, и ответил:

– Помощница, младший маг-библиотекарь.

– А я Джемс! – весело представился парень-медведь, без малейших усилий подхватил сразу все вещи и уверенным ровным шагом пошел мимо здания вокзала и маленького садика с рыжей россыпью календулы к ожидающему их экипажу. Берн двинулся за ним, и Эльза тоже не стала дожидаться особенного приглашения.

Рядом со станцией лежал поселок Гиладан, небольшой и аккуратный, словно с открытки. Экипаж прогрохотал по мостовой мимо белостенных домиков с красными крышами, миновал площадь с чумным столбом, памятью о прошлых эпидемиях, и откуда-то повеяло таким запахом свежеевыпеченного хлеба, что у Эльзы закружилась голова.

– Голодная? – деловито осведомился Джемс и вынул из своей сумки бублик, завернутый в пекарскую бумагу. – Я пока вас ждал, поднабрал кой-чего перекусить, держи!

Поняв, что Эльза не супруга лорда-хранителя и не начальница, Джемс начал обращаться по-свойски. В другие времена Эльза обязательно осадил бы его, напомнив, как человеку из простонародья стоит обращаться к леди, но времена успели измениться. Она взяла еще теплый бублик, искренне поблагодарила парня-медведя и заметила, что Берн смотрит на нее с определенной неприязнью.

Наверно, взять угощение в дороге было для него началом романа. Ну и пусть.

Поселок остался позади, и экипаж покатил по дороге мимо красно-желтых кленов. Дорога поднималась по холму, и отсюда уже был виден замок академии: не изящный и легкий, готовый взлететь, как строили в центре королевства, а какой-то приземистый, неуклюжий, с толстыми круглыми башнями, но при этом очень основательный. Неладно скроен, да крепко сшит!

– А ведь горе у нас, – сообщил Джемс, протягивая Эльзе еще один бублик, а Берну – большой пирог, от которого веяло сытным мясным ароматом. – Декан Вандеркрофт неделю назад отдал Богу душу.

Берн нахмурился – даже откинулся на спинку сиденья от удивления.

– Старина Пауль? Что с ним случилось?

– Я сам не видел, я приехал только вчера, – ответил Джемс, понизив голос. – Но говорят, он тут с самого начала августа был и все жаловался на сердце. А потом госпожа Серафина шла по коридору к ректорату – глядь, а он на полу лежит и уже остыл. Множественные разрывы сердечной сумки, так доктор сказал.

Эльзе сделалось неуютно. Она смогла сбежать от своей смерти – и вот ее снова встречает чья-то смерть. Берн сокрушенно покачал головой.

– Как же так... И кто же теперь у нас декан боевого факультета?

– Шеймус Ландри, – ответил Джемс. – Из министерства, говорят, уже подтверждение пришло.

Берн устало вздохнул и некоторое время все ехали молча. Потом экипаж перевалил через мост, под которым бушевал сердитый ручей, въехал во внутренний двор академии, и Эльза неожиданно почувствовала себя отрезанной от всего мира – и защищенной.

Это было очень спокойное и уверенное чувство. Оно было словно невидимые руки, которые опустились на плечи, обещая: здесь никто тебя не обидит, здесь никто не причинит тебе вреда. Ты в безопасности отныне и навсегда.

Это было так пронизывающе трогательно и справедливо, что Эльза едва не расплакалась. Берн покосился на нее, но ничего не сказал – вышел из экипажа и протянул руку, помогая спуститься.

Ладонь его была твердой и гладкой, пальцы сухими и сильными – прикосновение коротко укололо и обожгло, словно Берн был окружен тяжелыми чарами, и они как-то отреагировали на Эльзу. Скалпин словно почувствовал что-то лишнее, потому что тотчас же выпустил ее руку и сдержанно распорядился:

– Джемс, проводи госпожу Пемброук к Кимбри, пусть решит по поводу ее комнаты. Я к себе, потом в библиотеку. Надеюсь, за лето там ничего не разгромили.

И пошел в сторону высоких, распахнутых дверей – прямой, жесткий, суровый. Эльза растерянно смотрела ему вслед.

– Какой гмых его цапнул... – пробормотал Джемс. – Уезжал совсем не такой, а тут только что не кусается. Ладно, пойдем. Кимбри это завхоз наш. Разместит со всем уважением!

Завхоз Кимбри, невысокий и приземистый, напоминал оживший пенек, на который кто-то смеху ради нацепил жилетку с множеством карманов. Погладив лысину, завхоз прошел к шкафчику, за стеклянными дверцами которого красовалось множество ключей, снял один, серебристый и исчербленный, и протянул Эльзе.

– Уж простите, не дворец, – произнес он. – Но чисто! Ни пыли, ни грязи, ни, прости Боже, клопов каких. Устраивайтесь!

Потом они с Джемсом долго шли по длинным угрюмым коридорам, поднимались по лестницам, ныряли в какие-то двери и снова поднимались по волглым ступенькам. Эльза оконча-

тельно растерялась – да она тут заблудится, если пойдет куда-то одна! Замок напоминал причудливую нору – сколько времени понадобится, чтобы узнать все ее ходы и извилины?

– Не робей! – улыбнулся Джемс и вынул из кармана нечто, похожее на маленький желудь. – Держи, это путеводник. Сунь его в карман, перед выходом скажи, куда тебе надо, и он проложит дорожку. А там освоишься!

– Спасибо, – с искренним теплом ответила Эльза. Очередная неприметная дверь открылась и вывела их в настоящий дворец! Беломраморные лестницы здесь были накрыты алыми коврами, стены уходили высоко-высоко, и, подняв голову, Эльза подумала, что своды похожи на раскинувшиеся деревья. Кругом были двери с табличками, большие стенды с изящными надписями “Информация”, скамеечки, на которых будут сидеть студенты в ожидании лекций.

Контраст с коридорами, по которым они шли до этого, был настолько сильным, что Эльза остановилась. Джемс довольно улыбнулся.

– Эт Сердце академии, внутренняя часть, учебная и жилая, – с важным видом ответил Джемс. – В три раза больше внешней, тут заклинаний угрохано – во! Видишь, сколько тут дверей, лестниц? Все ведут на факультеты, в столовую... А нам с тобой сейчас туда, в жилую часть.

Он прошел к высокой белой двери с табличкой “Общежитие преподавателей и сотрудников”, толкнул ее, и Эльза увидела коридор – длинный и светлый, с множеством таких же светлых дверей. Пол был укрыт мягким ковром, на стенах висели пейзажи в старательно начищенных рамках, и впервые Эльзе подумалось, что все не так уж плохо.

Ее комната была самой последней по коридору. Поблагодарив Джемса за помощь и отперев дверь, Эльза вошла внутрь и подумала: “Вот здесь я буду жить до конца моих дней”.

Комната была в несколько раз меньше ее детской в родительском доме. Стены были выкрашены в бледно-золотистый цвет, на полу рядом со скромной узенькой кроватью лежал такой же ковер, как в коридоре, а рядом с маленьким шкафом из светлого дерева стоял пузатый обогреватель на артефакте. В комнате было прохладно.

Торопливо открыв чемодан, Эльза принялась переодеваться. Вынула теплое платье в красно-зеленую клетку, надела плотные чулки – интересно, все ли имущество Лионеля забрали в казну? Неужели и сундуки с вещами выпотрошили и отправили в чужие закрома? Нет, наверно, ее платья разобрали служанки – они теперь без работы, а дорогую одежду можно продать...

Переодевшись, Эльза подошла к столу возле окна и увидела тоненькую брошюру с правилами внутреннего распорядка. На ней лежала старая монетка в две кроны – едва Эльза дотронулась до нее, чтобы убрать, монетка ожила: подпрыгнула, крутанулась на ребре, и недовольный голос Берна произнес:

– Где вы ходите, Пемброук? Ваш рабочий день уже начался.

Понятно, артефакт общения.

– Уже иду, – откликнулась Эльза и, покинув комнату, быстрым шагом вышла из общежития.

Путеводник ей не понадобился. Дверь с золотой надписью “Библиотека” была открыта, Эльза увидела за ней бесчисленные шкафы с книгами и прибавила шага.

Войдя, Эльза замерла, замороженная зрелищем.

В библиотеке царила тишина – но стоило Эльзе это отметить, как тишина наполнилась звуками: шелестом страниц, поскрипыванием полов и книжных полок, бормотанием гримуаров и едва уловимой музыкой – такая исходит от книг с пророчествами. Ряды книжных шкафов, казалось, уходили за горизонт. Воздух между ними качался, словно над костром.

По корешкам книг бегала остаточная магия. У томов по зельеварению ее нити были нежно-зелеными, трактаты по силам природы то дышали огнем, то покрывались инеем. Фоли-

анты по магической культуре негромко пели, а с полок с книгами по истории магии вдруг слетела целая стайка иерохов.

– Ах вы! – воскликнула Эльза. – Вредители!

Иерохи, толстые золотые бабочки, заводились на старых книгах – питались выступающими стусками энергии и остатками чар, скопленными за годы. Если иерохов не выводить, они способны разрушать книжную энергию – тогда том рассыпался в прах.

– Вы здесь, Пемброук? – донесся издалека недовольный голос Берна. – Идите прямо, в центр. Я у Астрария.

Эльза погрозила иерохам пальцем – мол, займусь вами, когда вернусь – и поспешила в центр библиотеки мимо той части, которая была отведена под читальный зал.

Астрарий, сложный прибор из хрусталя и бронзы, парил в центре библиотеки. Он пульсировал – через равные промежутки времени его хрустальные листья наливались синевой, показывая уровень магического поля библиотеки. Сейчас все было в порядке, но Берна, который лежал на полу, засучив рукава белоснежной рубашки, выглядел недовольным.

– Я здесь, – сказала Эльза. Берна покосился на нее и махнул рукой куда-то в сторону столов.

– Малый седьмой ключ дайте.

На столе раскрыл пасть ящичек с инструментами – Эльза довольно быстро нашла ключ, украшенный выбитой цифрой “семь”, и протянула его Берна.

– Малый, а не большой.

Пришлось повозиться. Ключик размером с мизинец обнаружился на самом дне. Получив его, Берна что-то подтянул в сияющих внутренностях астрария, и все хрустальные листья налились ровным голубым сиянием. Довольно улыбнувшись, лорд-хранитель библиотеки скользнул в сторону, поднялся, и его улыбка растаяла.

– Устроились? – сухо спросил он и, не глядя на Эльзу, пошел вперед, к большой стойке, за которой выдавались книги. Эльза поспешила за ним – Скалпин шел быстрым шагом, резко взмахивая правой рукой, и Эльза понятия не имела, чем вызвала его недовольство.

– Да, – кивнула она, стараясь говорить спокойно и дружелюбно. – Все хорошо, спасибо.

– К вашим обязанностям, – Скалпин прошел за стойку и принялся аккуратно раскладывать чистые бланки по ящичкам. – Ваш рабочий день начинается в половине восьмого. Я прихожу в восемь. До этого вы должны осмотреть библиотеку и поискать следы ночных происшествий. Блуждающие огни, лужи магической росы, сбежавшие книги...

Он окинул взглядом платье Эльзы и поморщился так, словно она была одета в грязные лохмотья.

– И переоденьтесь немедленно! Такой глубокий вырез это что-то совершенно недопустимое.

Эльза недоумевающе посмотрела сперва на Скалпина, потом на себя. Вырез был девичий, скромный, едва доходящий до середины груди.

– У меня нет другого платья... – пролепетала Эльза. – Вернее, есть, но их вырез вам точно не понравится.

– Набросьте шаль, – сердито распорядился Берна. – Соблюдайте приличия, в конце концов.

А тут Эльза вспыхнула. Она была благородной дамой, дочерью достойного дома и женой генерала – как он смел говорить так, словно она распутница, которую требуется призывать к порядку?

– Я уже сказала: не смейте так со мной разговаривать, – отчеканила она, глядя в глаза Берну и замечая, как стремительно они темнеют. – Почему вы говорите так, словно я уличная девка? Не смейте!

Ноздри Берна нервно дрогнули, и он отвел взгляд.

– Так заботитесь о чистоте чужих нравов? Не переживайте, я не позорю свое имя и свой род! – бросила Эльза, и Берн произнес негромко, но очень четко:

– Мне поручили присматривать за вами, госпожа Пемброук. Поручили, не зная, какой страшной бедой это может кончиться для меня. Набросьте шаль, если у вас нет другого платья. Я прошу по-хорошему.

Он отошел от стойки и скрылся за книжными шкафами. Эльза оторопело смотрела ему вслед, не зная, что говорить и думать.

– Беда? – только и смогла повторить она. – Но почему?

Она все-таки переоделась: выбрала теплую темно-синюю юбку, белоснежную рубашку, которую застегнула на все пуговицы, и синий жилет, да еще и шаль набросила на плечи, чтоб лорд-хранитель библиотеки вообще не нашел, к чему привязаться – Берн, который сидел за стойкой и оформлял новые формуляры, покосился в сторону Эльзы и сказал:

– Гораздо лучше. Теперь снова к вашим обязанностям. С восьми до половины десятого вы обходите основные отделы. Есть капризные гримуары, которые обязательно надо погладить по корешкам...

С одной из полок сорвался растрепанный старый том, замахал всеми страницами, рассыпая белые искры, и язвительно прокашлял:

– Да! А ты, небось, хотел, чтобы она тебя погладила по твоему корешку? Да с двух рук?

Эльза покраснела. Скалпин взял со стола маленькую серебряную шайбу и запустил в похабную книжонку – попал, та сразу же заткнулась и рухнула на пол.

– Есть и такие книги, по ним прошел прошлогодний выброс искажающих чар, – голосом Берна сейчас можно было замораживать продукты в мясных лавках. – Сразу бейте. Ладно, дальше: идете к каталогу, его обязательно надо успокоить после ночных кошмаров. Здесь очень много магии, он переживает.

– Хорошо, – кивнула Эльза, старательно глядя на паркет.

– Потом раздел живой истории. Нужно проверять, не переписывают ли книги сами себя. Вы сразу это поймете, на них будет розоватая пыльца, – продолжал Берн. – Потом раскладываете по кормушкам пыльцу сияющих мхов для иллюстрированных манускриптов и можете отдыхать до половины одиннадцатого.

– Хорошо, – снова кивнула Эльза.

Берн поднялся из-за стола и, пройдя к лежащему нахалу, небрежным пинком отправил его на полку. Сунулся под шкаф, вынул учебник по этикету в нежно-сиреновой обложке и, безразлично взяв за край корешка, встряхнул.

Учебник взвизгнул и потемнел. На обложке проступил котел и название: “Особые практики зельеварения”.

– Вот этот постоянно убегает с полки, – Берн положил книгу на стол и придавил ее очередной серебряной шайбой – книга издала тонкий стон. – Его нужно ловить и успокаивать серебром. С половины одиннадцатого...

Скалпин поправил манжет, и Эльза вдруг заметила пятно потемневшей кожи у него на руке. Наверно, Берн поймал ее взгляд – он натянул манжет сильнее и продолжал:

– С половины одиннадцатого и до часу вы патрулируете теневые ряды. Там книги по некромантии, история черной магии и работы по демонологии. Вы следите за тем, чтобы они не покидали мест. Проверяете целостность защитных печатей. И следите за тем, чтобы “Песня лягушек” не гипнотизировала портреты! Поймаете ее за этим – сразу же облейте успокоительным!

– А что будет, если она загипнотизирует? – Эльза покосилась на один из портретов на стене: господин в темно-вишневой мантии дружески улыбался и вдруг шевельнулся и подмигнул Эльзе!

Не горюй! Где наша не пропадала!

– Тогда люди с портретов будут выходить по ночам, – ответил Берн. – А вернуть призрак на место очень трудное и неприятное дело, с этим не каждый справится. С часу до двух у вас обед, постарайтесь не опаздывать. С двух до четырех работа с посетителями и архивом. Расставляете по местам книги, которые вернули из читального зала и с абонементов, подбираете учебники по спискам преподавателей, принимаете заявки на книги и все в этом роде. С четырех до половины пятого у вас еще один перерыв, а с пяти до половины шестого мы готовим библиотеку к закрытию.

Эльза не переставала кивать. Она и представить не могла, что у библиотекаря столько забот! И если так загружена помощница, то сколько же дел у лорда-хранителя?

В библиотеку заглянул Джемс: улыбнулся, подмигнул и спросил:

– Обедать идем? Там сегодня...

– Конечно, идем! – мелодичный женский голос не дал Джемсу договорить, и, оттеснив его, в библиотеку скользнула молодая рыжеволосая женщина в темно-синем платье.

Эльза невольно отметила, что вырез был весьма впечатляющим. Бриллиантовая подвеска тонула в таинственной тени в ложбинке между поднятых корсетом грудей. Интересно, сделает Джемс замечание по этому поводу?

Не сделал. Незнакомка поцеловала его в щеку, взяла под руку и с улыбкой заговорила:

– Я узнала, что ты приехал и сразу же все отложила! Берн, я ужасно по тебе соскучилась... что это за недоразумение в шали?

Эльза почувствовала, как каменеет лицо. Незнакомка смотрела на нее с легким светским равнодушием, за которым проглядывает настойчивый совет держаться отсюда подальше.

Недоразумение. Еще вчера утром Эльза была женой генерала, и эта рыжеволосая фарфоровая статуэтка кланялась бы ей, едва увидев. А теперь... теперь Эльзе указывают его место и рекомендуют не покидать его.

– Моя помощница Эльза Пемброук, – сухо представил Скалпин. – Серафина Гольдмунд, ассистентка ректора Стоуна.

– Мы обе помощницы, получается, – с тонкой светской улыбкой заметила Эльза, и прозрачно-голубые глаза Серафины, похожие на аметисты, которые привозили из стран Восхода, сделались холодными, как кусочки льда.

– Уборщица тоже сотрудница академии, но с деканом ее не сравнить, – парировала Серафина и повлекла Берна к дверям, а он и не сопротивлялся. Джемс проводил их заинтересованным взглядом и, дождавшись, когда они отойдут подальше, сказал:

– Это вот она нашла покойника Вандеркрофта. Говорят, так голосила, что с потолка штукатурка падала.

– Кто бы на ее месте не кричал? – спросила Эльза, глядя, как Берн пропускает Серафину в двери столовой. Ей почему-то очень хотелось, чтобы Скалпин обернулся и посмотрел в сторону библиотеки.

Но он не обернулся.

Глава 2

Столовая академии была просторной и белостенной. За высокими стрельчатыми окнами открывался потрясающий вид на зеленые холмы, поросшие соснами. Они утекали до самого горизонта, и небо лежало так низко, что сосны почти касались верхушками облаков.

Студенты еще не съехались, так что в столовой почти никого не было. Джемс усадил Эльзу подальше от Скалпина и его спутницы, которая так и напирала грудью на руку лорда-хранителя. Интересно, почему он никак не комментирует ее вырез? Просто смотрит с холодным равнодушием, обменивается какими-то вполне любезными репликами – а с Эльзой уже успел поссориться несколько раз.

– Она всегда так язвительна? – негромко осведомилась Эльза. Джемс постучал по столу, и на скатерти возник обед: свекольный суп с говядиной, картофель и рыбное филе и салат из овощей. Все было очень простонародно, но Эльза почему-то очень обрадовалась этой простой и сытной еде.

– А то! Ее студенты называют Серпентиной за глаза, ну змеей, то есть. Пит Аликастер однажды проболтался, назвал так в лицо – едва не вылетел из академии.

Эльза понимающе кивнула. Попробовала супа – ароматный, горячий, он буквально возвращал к жизни.

Нет, определенно в ее нынешнем положении много плюсов. Один из них – хорошая еда. Что же касается общества... до столичного далеко, разумеется, но здесь еще никто не стрелял в Эльзу и не изменял ей.

У Лионеля была любовница! Вот почему он решил одним выстрелом разобраться со всеми проблемами. Убрал ненужную жену, убрал ненужную свидетельницу.

У Лионеля была любовница, а Эльза оказалась так слепа, что ничего не замечала. Впрочем, влюбленные и любящие всегда слепы, они закрывают глаза бесконечно.

Вся ее любовь сгорела, и пепел наполнял душу. Теперь надо было с этим жить. Пусть Берн Скалпин не волнуется – с Эльзы хватило любви, больше, пожалуйста, не надо.

– Ты студент? – спросила Эльза. Джемс, который уже успел расправиться с супом, отрицательно помотал головой.

– Больше нет. Был на боевом факультете, там на одной тренировке меня так приложило, что чуть череп не треснул. Запечатало мою магию, и больше она не открылась, как с ней ни билась, – Джемс вздохнул и придвинул к себе второе. – А я сирота, идти некуда, так что ректор меня тут оставил. У Кимбри на побегушках и так, всехний помощник.

Серафина звонко рассмеялась, словно Берн удачно пошутил, и Эльза ощутила нарастающую неприязнь. Казалось бы, с чего? Подумав, она поняла: в свете много таких девиц, но ни одна из них не осмелилась бы бросить шпильку в адрес жены генерала. А сейчас защита, которую давал Лионель, развеялась, Эльза была всего лишь помощницей библиотекаря, и Серафина вполне могла оттачивать на ней свое остроумие.

– И тебе помогу, если что надо, – заверил Джемс. – Не стесняйся, обращайся!

В столовую быстрым шагом вошел молодой человек, который выглядел так, словно только что покинул своего столичного портного. Светлый пиджак идеально сидел на его фигуре, узкие модные штаны подчеркивали стройность ног, а каблуки на черных туфлях были ярко-красными. Каштановые волосы были завиты и уложены и, когда незнакомец проходил мимо, Эльза отметила, что он пользуется карандашом для бровей.

Единственным, что его портило, были крупные торчащие уши – их даже прическа с трудом прикрывала.

– О, а это вот ректор Стоун! – прошептал Джемс, и Эльза удивленно посмотрела сперва на него, а потом на щеголя. Как этот легковесный светский фронт может возглавлять академию?

Эльза не раз и не два видела в столице таких господ: они думали о полировке ногтей, а не о работе.

– Странновато выглядит для ректора, – заметила она. – И молодо.

Джемс фыркнул от смеха.

– Сто пятнадцать лет, – сообщил он. Эльза даже удивиться не успела – ректор Стоун вышел в центр столовой и негромко, но отчетливо произнес:

– Почти все здесь, хорошо... Уважаемые коллеги, сегодня в три часа общее собрание в большом зале. Приезжает Дитрих Геллерт из окружного следственного отдела, будет говорить с преподавателями и сотрудниками.

Серафина ахнула, прижала руку к груди и торопливо вышла из-за стола – что-то шепнула ректору и быстрым шагом направилась к выходу. Седовласый господин, который сидел в одиночестве у окна и вдумчиво ел салат, посмотрел на Стоуна и спросил:

– А что случилось?

Ректор вздохнул. Покачался с пяток на носки.

– Случилось то, Аргус, что у нас тут, кажется, предумышленное убийство декана Вандеркрофта.

Теперь уже ахнули все, кто был в столовой. Троица дам, похожих на пухлых птичек, тотчас же зашептала, крепкий мужчина с широкими плечами покачал головой и что-то пробормотал соседу, низенькому и хрупкому, почти карлику. А ректор скользнул взглядом по столовой, остановился на Эльзе и кивнул.

– Госпожа Пемброук, со мной. Немедленно.

На лице Джемса отразилось предчувствие неприятностей, и он выразительно взглянул на Эльзу: мол, держись. Эльза вышла из-за стола, и ректор Стоун упругим молодым шагом двинулся по проходу к дверям.

Ректорат был светлым и солидным. Все здесь – и знамена королевства, и особый прозрачный шкафчик с наградами, и дипломы и благодарственные письма на стенах – говорило о том, что в провинциальной академии серьезно относятся к учебе и работе. Серафина стояла возле открытого шкафа, выбирала тонкие рыжие папки с документами – заинтересованно посмотрела на Эльзу, но ничего не сказала. Ректор Стоун пропустил Эльзу в свой кабинет, войдя, закрыл дверь и коротко распорядился:

– Туда, к стене.

Стена напротив его рабочего стола была совершенно пустой – а вот на потолке висел весьма пугающий механизм с множеством кристаллов, сверкающих железных лап и лезвий. Когда Эльза шагнула к стене, механизм пришел в движение – послышался тонкий свист, и одно из лезвий пролетело прямо над головой.

– Нет! – воскликнула Эльза и шарахнулась к окну. – Вы с ума сошли?

– На место! – прорычал ректор тем тоном, которого просто не бывает у таких светских франтов, как он. – Быстро встала на место и не дергаешься!

Эльза нервно сглотнула – нет уж, лучше она выпрыгнет из окна, чем встанет под это изуверское орудие! Стоун вздохнул и добавил уже мягче:

– Встаньте к стене, госпожа Пемброук. Или вас лучше называть леди Гвиари?

На мгновение сделалось холодно, словно под ногами треснул лед, и Эльзу начало затягивать в ледяную воду. Впрочем, чему тут удивляться? Незнакомец в сером наверняка предупредил руководство академии. Велел присматривать за ссыльной.

– Вы знаете, – едва слышно сказала Эльза. Ректор Стоун усмехнулся.

– В мою академию отправили жену государственного преступника. Конечно, я об этом знаю, получил письмо сегодня утром. Не заставляйте меня применять силу, госпожа Пемброук. Просто встаньте к стене. Не будете дергаться – не будет больно.

Его взгляд сделался тяжелым и темным – не светская пустышка смотрела на Эльзу, а старый матерый волк. И он щелкнет челюстями, отделяя ее голову от тела, если захочет.

Эльза послушно встала у стены, и пугающий механизм пришел в движение. Кристаллы налились зеленоватым свечением, лезвия заскользили над головой, и кабинет наполнился тонким мелодичным свистом. В нем даже проступали слова, но Эльза не могла разобрать их, как ни старалась.

С каждым мгновением Эльзе становилось все холоднее, а тело все больше наполняло слабостью. Ректор скрестил руки на груди, глядя на нее испытующе и жестко, и она разволновалась так, что едва услышала, как хлопнула дверь и зазвучали шаги.

– Марк, – произнес Скалпин, встав между ректором и Эльзой. – Мне поручили позаботиться о ней.

Он сейчас был как рыцарь, который закрывает девушку от дракона – это было настолько неожиданно и решительно, что Эльза невольно взбодрилась.

– Я не сделаю с ней ничего плохого, – откликнулся ректор Стоун, и в это время лезвие скользнуло возле виска Эльзы, отхватив локон.

Эльза вскрикнула. Сжалась. Срезанные золотые волоски поплыли по воздуху – их втягивало в механизм. Повеяло холодным запахом моря, над кристаллами вспыхнули искры и растаяли.

– Марк, – с нажимом повторил Берн, и движение лезвий начало замедляться. Ректор обошел Скалпина, заглянул в свою установку и, сощурившись, беззвучно прошептал что-то, похожее на проклятие.

Не чувствуя ни ног, ни пола, Эльза шагнула вперед, стремясь отойти подальше от кристаллов и лезвий. Скалпин придержал ее под локоть, и она была признательна ему за этот дружеский жест.

– Нет... – пробормотал ректор Стоун, и в его голосе дымилось ледяное разочарование. – Ничего не вышло, остаточные чары развеялись еще вчера... Скажите! – он обернулся к Эльзе. – Как вы это сделали? Как отмотали время?

Эльза испуганно уставилась на него, даже не представляя, что сказать. “Он знает! – захлебывался криком внутренний голос. – Он узнал твою главную тайну!”

Стоун устало прикрыл глаза. Вдохнул.

– Как только вы здесь появились, я ощутил перемены в общем магическом поле. В академию попал человек, который каким-то образом сумел воздействовать на энергию времени. Как у вас это получилось?

Скалпин нахмурился, пристально посмотрел на Эльзу. Та растерянно перевела взгляд на ректора, и тот добавил:

– Я никому ничего не расскажу. Он тоже. Королевский указ обязывает нас хранить тайну о вашей личности.

Эльза вздохнула. Скрывать правду было незачем.

– Я не знаю, как это случилось. Да, мой муж государственный преступник. Я подслушала его разговор с товарищем, а он это понял. Выстрелил в меня, и я умерла.

Лицо Берна исказила гримаса искренней ненависти – впрочем, он почти сразу же прогнал ее. Ректор понимающе качнул головой.

– Потом я очнулась и поняла, что перенеслась на неделю назад, – продолжала Эльза. – Я не знаю, как это случилось! Но... я была жива, и муж был рядом. В тот день, в который меня перенесло, мы гуляли в парке, встретили тогда его величество Александра... Возможно, меня вернуло как раз в тот момент, чтобы я обо всем сумела ему рассказать и разрушить заговор.

Она сделала паузу, пытаясь справиться с волнением. Установка больше не работала, но холод так и не прошел. Снаружи на мир напоздали тяжелые тучи, готовясь пролиться дождем – долгим, уже осенним.

– Я не знаю, что произошло, – повторила Эльза. – Но воспользовалась случаем. И вот... теперь я здесь.

Ректор Стоун понимающе кивнул.

– Должен признаться, у меня было нечто похожее, – произнес он. – Я тогда был молодым ученым, создал установку по трансформации драконьего огня в чистую энергию и попал под ее удар.

Эльза удивленно посмотрела на него. Может, это объясняет то, как он выглядит в сто пятнадцать лет?

– Меня вернуло на два часа назад. Я исправил ошибку, установка давно на вооружении, уже обновлялась несколько раз, – Стоун усмехнулся. – Этот перенос как-то законсервировал меня в тогдашнем состоянии. Простите, если напугал вас, но я не мог не изучить человека, который стал таким же феноменом, как я.

Эльза кивнула, перевела взгляд на Берна – тот выглядел озадаченным и очень усталым. Ректор заметил ее взгляд и спросил:

– Ну а ты, дружище? Кто тебя проклял?

Скалпин дотронулся до лица, словно хотел что-то стереть.

– Ничего-то от вас не утаить, господин ректор, – неохотно ответил он.

По окнам застучали первые капли дождя, и вскоре между землей и небом упала почти непроглядная водная завеса. Холмы растворились во влажном сумраке.

– Очень много нитей Хаоса, – признался ректор Стоун, и Эльза испуганно посмотрела в сторону Берна.

Нити Хаоса сопровождали тяжелые проклятия, от которых почти невозможно избавиться. Скалпин снова провел кончиками пальцев по лицу и сказал:

– Да, я проклят. Но проклятие личное, оно законсервировано, и академии никак не повредит. Прости, Марк, я хотел бы сохранить подробности при себе.

Вот почему он такой напряженный и раздраженный – и срывается на Эльзе просто потому, что она ближе всех. Тяжелое проклятие... где же Берна Скалпин был на каникулах, что заполучил его?

– Хорошо, – кивнул ректор. – Если понадобится помощь, я всегда к твоим услугам. И ты...

Он не договорил. В дверь постучали, в кабинет заглянула Серафина и сказала:

– Господин ректор, следователь Геллерт уже приехал.

Стоун вздохнул. Эльза представила, как он падает возле своей установки, пораженный энергетическим шаром нестерпимой белизны – а потом все окутывается туманом, и Марк Стоун поднимается, не понимая, что с ним произошло.

Наверно, в последние мгновения жизни он был полон горечи и отчаяния. Изобретение, которое могло принести ему славу, не работало правильно, а он уже не в силах был что-то исправить. Возможно, именно сильное отчаяние и невозможность изменить то, что случилось, и разворачивало колесо времени?

– Мы уже идем, – произнес ректор, и Серафина скрылась в приемной. Сейчас она была очень спокойной и сдержанной, держалась официально и смотрела на Берна без кокетства, просто как на сотрудника академии.

И все-таки почему он не имел ничего против, когда эта змея к нему липла?

Ректор Стоун взял со стола какую-то папку и они все вместе покинули кабинет. В коридоре пары сложились сами собой: Стоун с Серафиной быстрым шагом двинулись впереди, Эльза пошла рядом с Берном, невольно замечая, что он нет-нет да и посмотрит в ее сторону.

У него наверняка было много вопросов. Не каждый день встречаешь жену государственного изменника, которая его и выдала. Эльза снова дотронулась до груди, и Берн негромко спросил:

– Болит?

В его голосе Эльза с удивлением услышала и тепло, и заботу.

– Нет, – так же тихо откликнулась она. – Это призрачная боль, нервное.

Он понимающе кивнул и больше ни о чем не спрашивал.

Большой зал академии был похож на театр: такие же ряды, которые поднимались вверх, раскрываясь, словно веер, такая же сцена – здесь наверняка проводятся праздники, посвящение в студенты, общие собрания... За столом сидел крепкий мужчина в темном, выдавшем виды костюме – он был абсолютно лыс, голую голову пересекал причудливый красноватый шрам, похожий на раскидистое дерево, и Эльза подумала, что следователя Геллерта когда-то ударила молния. Стоун положил рядом с ним папку, что-то негромко сказал и занял место в первом ряду.

Джемс уже сидел в одном из кресел, вытянув ноги. Рядом с ним расположился Кимбри – завхоз и помощник не тратили времени даром и вдвоем чинили какой-то тонкий механизм, полностью погрузившись в работу, но почему-то рядом с ними Эльзе сделалось спокойнее.

Да, ее тайну знают. Что ж, пусть.

Геллерт негромко кашлянул в кулак, привлекая внимание, и троица дам, которая сидела на втором ряду, тотчас же прекратила испуганные перешептывания. Громила и карлик одинаковым движением скрестили руки на груди.

– Пока еще не все преподаватели съехались, – произнес ректор Стоун. – Новый учебный год еще не начался.

Геллерт понимающе кивнул. Поднялся из-за стола.

– Уважаемые преподаватели, меня зовут Дитрих Геллерт, я старший сотрудник окружного следственного отдела, – представился он. – Приехал в академию и буду здесь до завершения расследования, так как анализ, который провел наш специалист, говорит прямо: такие разрывы сердечной сумки бывают только после приема ряда зелий. Ваш декан Вандеркрофт был отравлен, это предумышленное убийство.

Все примерно представляли, что он скажет, но по залу все равно прокатились вздохи и шепотки.

– Я знаю, что обитателям академии нельзя навредить снаружи, – продолжал Геллерт. – Но это можно сделать изнутри. Сейчас вы все по одному подойдете ко мне, я сниму ваши энергетические метки. Первыми прошу тех, кто не был в замке во время убийства.

Эльза подумала, что сейчас убийца должен как-то выдать себя, но никто в зале и бровью не повел. Скалпин поднялся и подошел к Геллерту, Эльза потянулась за ним. Лорд-хранитель библиотеки протянул руку, и следователь положил на нее серебряную монету.

Рука дрогнула, словно вместо монеты Геллерт вручил гирию. Над пальцами потекли серебристые туманные струйки, втянулись в серебро, и следователь довольно кивнул. Берн положил монету на стол, отошел, уступая место Эльзе – она помедлила, собираясь с духом, и протянула руку.

Монета была тяжелой и холодной – этот холод пронзил руку, заставив содрогнуться. По коже побежали искры, в глазах зашипало: туманные нити Эльзы были бледно-голубого цвета.

Кажется, прошла вечность, прежде чем они втянулись в монету. Геллерт забрал ее, кивнул в сторону выхода.

– Не смею задерживать... пока, – произнес он. – Хорошего дня.

Они вернулись в библиотеку, и Берн сразу же нашел Эльзе работу: отправил ее в сектор списанных книг и велел собрать их с полок стопками по десять и выложить на пол. Потом Джемс и Кимбри заберут их и отправят из академии.

Сектор находился справа от Астрария. Эльза обошла сверкающий и звенящий механизм, толкнула неприметную дверцу и оказалась среди золотой и белой дымки.

Иерохов тут было видимо-невидимо! Они ползали по книгам с негромким жужжанием, перебирали лапками, раскрывали неуклюжие сверкающие крылышки – доедали чары, которые скопились в ненужных уже учебниках, исчерканных и истрепанных. Эльза торопливо выбежала из отдела и быстрым шагом пошла к стойке выдачи книг – заметила под ней большую коробку с дым-зельем.

Берн старательно заполнял толстый журнал, сдвинув маленькие очки на кончик носа. Услышав шаги, он недовольно поднял голову и посмотрел на Эльзу так, словно она была кем-то вроде воровки книг.

– Дым-зелье, – сказала она, стараясь говорить спокойным деловым тоном. – У вас под столом. Там очень много иерохов.

Лорд-хранитель библиотеки кивнул, достал коробку и протянул Эльзе большую бутылку с распылителем.

– Отлично, займитесь этим. И вот еще.

На стойку легли два темных ароматных шарика – от них веяло лимоном.

– В ноздри, – объяснил Берн. – Не будет так сильно пахнуть.

Эльза послушно сунула шарики в ноздри и направилась в отдел списанных книг.

Дым-зелье не понравился иерохам. Всего двух пшиков хватило, чтобы они, сердито жужжа, поднялись в воздух и растаяли, наполнив помещение ровным свечением. Эльзе даже стало их жалко – жуки, в общем-то, были красивыми и даже милыми, но их все-таки лучше держать подальше от книг, даже списанных.

Отставив бутылку, Эльза принялась снимать книги с полок. “Введение в зельеварение”, “Основы артефакторики”, “Начала энергетических полей” – учебники для первого и второго курсов лежали в аккуратные стопки. Истрепанные, с отлетающими корешками и пожелтевшими страницами, они уйдут в переработку и станут основой для новых книг.

В магии ничего не пропадает и не уходит в никуда.

Эльзе попался справочник по алхимии в здравоохранении – он едва не рассыпался от ее прикосновения. Эльза осторожно положила его на стопку учебников, и из справочника вылетел какой-то белый листок, исписанный цифрами.

Наверно, кто-то из студентов готовился к семинару. Просчитывал ход заклинаний для того или иного лекарства. Эльза подняла его, машинально убрала в карман и вдруг услышала голоса.

Она замерла, не желая себя выдать. Послышались неспешные шаги, и Скалпин негромко произнес:

– Марк, я правда не хотел бы об этом говорить.

Значит, и ректор здесь. Почему-то Эльза напряглась.

Ее ни в коем случае не должны увидеть или услышать. Она замерла, словно мышка под венником.

– Я же вижу, что проклятие растет, – со сдержанным сочувствием сказал ректор Стоун.

– Сколько тебе осталось? Я должен знать.

Берн усмехнулся.

– Столько, сколько отведут мне небеса. Десять лет. Пятьдесят. Все зависит от меня, Марк, и я хочу прожить подольше.

В щель между дверью и косяком Эльза увидела ректора Стоуна – он прошел к Астрарию, и хрустальные листья зазвенели.

– Думаешь, ты справишься? Контроль проклятий требует чрезвычайного напряжения всех сил. Астрарий это показывает.

– Что мне остается? – усмехнулся Берн, и Эльза вдруг подумала, что ректор хмурится.

– Я чую любовные чары, – признался он, и Эльза вопросительно подняла бровь. – Приворотное проклятие?

Берн негромко рассмеялся.

– Марк, ты прямо вынуждаешь меня все рассказать. Да, приворотное проклятие. Да, я его запечатал, чтобы оно не прорвалось в общее поле академии. Да, моя работа от этого никак не пострадает, я продолжаю выполнять свои обязанности. И нет, при всем уважении, ты не сможешь его снять.

Некоторое время они молчали, а потом с той же неторопливостью пошли прочь. Эльза замерла, стараясь не выдать себя.

Любовные чары? Кто-то пытался приворожить лорда-хранителя библиотеки? Эльза слышала о таких заклинаниях, ее приятельницы Пиппа и Квинни однажды пробовали набросить приворотные сеточки на красавцев-офицеров, но все кончилось для них жаром и сыпью по всему телу.

Но проклятие? Такое, которое убивает?

Эльзе невольно сделалось жаль Скалпина. Возможно, именно поэтому он постоянно на нее срывается – не может достать истинного виновника и рычит на тех, кто рядом.

Его можно было понять.

Личное проклятие. Берн законсервировал его, так что оно не выплеснется и не повредит окружающим – но неужели нет способа от него избавиться? Все эти тома, средоточие магической мудрости, не содержат в себе ответа?

Быть того не может. Скалпин просто растерян и пока даже не пытался искать.

Эльза вернулась к работе – снимала стопки учебников с полок, укладывала на полу, подхватывала разбегающиеся страницы. За окнами шелестел дождь, мир утопал в мягких серых сумерках, и постепенно Эльза погрузилась в какой-то транс – и вылетела из него, когда по двери стукнули, и Серафина отчеканила:

– Послушай-ка, что я тебе скажу, дрянь.

Эльза обернулась, не до конца понимая, что это говорят с ней. Никто и никогда не осмелился бы так назвать ее, благородную барышню, жену генерала. Никто.

Потом она вспомнила, что уже не жена генерала. Она ссыльная без права переписки и возвращения. Никто.

Как еще к ней обращаться?

Серафина была полна ледяного спокойствия, но в ее слегка сощуренных лисьих глазах горело пламя. Желание раздавить выскочку, показать ей место, которое отныне та будет занимать.

– Вы разговариваете с зеркалом или сами с собой? – улыбнулась Эльза. – Просто других дряней здесь нет.

Серафина опешила. Она явно не ожидала, что какая-то помощница лорда-хранителя, никто и звать никак, осмелится дать ей отпор, да еще и настолько решительно.

– Слушай внимательно и не говори потом, что тебя не предупреждали, – негромко, но отчетливо проговорила Серафина, совладав с собой. – Даже не думай строить глазки Берну Скалпину. Он мой. Это понятно?

“Как решительно, – подумала Эльза. – Прямо-таки простонародно”.

Она могла бы сказать, что лорд-хранитель ей совершенно безразличен. Что она приехала сюда только потому, что такова была воля и благодарность его величества Александра. Но Серафина не стала бы слушать.

– А господин Скалпин уже знает, что он ваш? – невинным тоном осведомилась Эльза. Обошла Серафину, вышла – листья Астрария уже вернули себе ровное синее свечение. – Или он еще не в курсе ваших инициатив?

Она запоздало подумала, что не стоило вступать в перепалку с Серафиной. Можно было просто сказать: “Да, я поняла вас” – а потом уйти. Эльза сама не знала, откуда в ней вдруг появился этот дух сопротивления.

– Запомни, милочка: ты не смеешь разговаривать со мной в таком тоне, – сказала Серафина, улыбаясь обаятельно и тонко. Посмотришь со стороны и подумаешь, что это лучшие подружки беседуют о чем-то приятном. – Я еще раскопаю, как ты сюда попала, и уверяю: ты сильно пожалеешь, если не извинишься.

– Приятных раскопок, – улыбнулась Эльза и зашагала в сторону стойки библиотекаря. Скалпин, наверно, отлучился, и Серафина воспользовалась случаем, но сейчас Эльзе хотелось оказаться от нее подальше.

Она вообще не любила ссоры и дразги и ей почти не приходилось в них участвовать. И сейчас Эльзой овладело очень странное и неприятное чувство, словно она наступила ногой, обутой в дорогую шелковую туфельку, в жидкую грязь.

– Ты пожалеешь об этом, – пообещала Серафина, обогнала Эльзу и скрылась среди книжных полок. Вскоре где-то впереди хлопнула дверь, и Эльза услышала сварливый голос:

– Две шлюхи чуть было один хрен не поделили. Скакали бы на нем по очереди, да и все дела!

Растрепанный том раскинулся на полке и лениво шевелил страницами. Запустив пальцы в карман жилета, Эльза вынула серебряную шайбу и ловким движением вдавила ее в обложку похабника – тот издал тоскливый стон и обмяк.

– Пемброук! – позвал Берн откуда-то издалека. – Это вы там?

– Я! – откликнулась Эльза. Придавила шайбу посильнее. – Уже иду!

Скалпин стоял на стремянке и старательно опрыскивал ряды книг по зельеварению. Они довольно возились на полке, и Эльза готова была поклясться, что книги негромко мурлыкают. Золото на их корешках так и сияло.

– Возле входа стоит большой ящик, – произнес Берн. – Берете из него пыльцу сияющих мхов, два пакета, покормите манускрипты и на сегодня можете быть свободны.

– Хорошо, – кивнула Эльза. – Спасибо.

Она понятия не имела, чем займется вечером. Можно, конечно, развесить вещи в шкафу, но это занятие на четверть часа, не больше. А потом что? Смотреть в окно на холмы в дождевой завесе?

– Там Серафина приходила?

– Да. Мы... обменялись любезностями.

Берн криво усмехнулся краем рта.

– Игнорируйте. Кивайте на все, что она говорит, и делайте по-своему.

– Хорошо, – ответила Эльза и повторила: – Спасибо.

– Не за что меня благодарить, – проворчал Скалпин. – Я просто выполняю приказ его величества.

Эльза снова кивнула и пошла за пыльцой – ее провожало резкое пшиканье.

Ящик был наполнен пыльцой наполовину, рядом лежал серебряный совок и бумажные пакеты. Эльза аккуратно набрала один, потом второй и отправилась в нужный отдел.

Здесь было свежо и прохладно, словно кто-то не закрыл окно. Манускрипты, раскрытые на самых ярких иллюстрациях, лежали в стеклянных витринах. Серебряные чаши рядом были пусты – Эльза решила, что это и есть кормушки, и принялась осторожно наполнять их.

Порошок исчезал с легким свистом, и от витрин доносился едва слышный довольный вздох, а иллюстрации становились насыщеннее и четче. Наполнив последнюю кормушку, Эльза остановилась возле витрины – на старинном рисунке было изображено золотое колесо, окруженное людьми.

Старые и совсем юные, мужчины и женщины, они молились, протягивая к нему руки. Один был прокаженным, и Эльза понимала, что он хочет получить: избавление от своих ужасных, старательно прорисованных язв.

Пол вдруг едва уловимо качнулся под ногами. Послышался далекий звон, и Эльза готова была поклясться, что нарисованное колесо пришло в движение.

В ушах зашумело – сквозь шум пробивалась совместная молитва тысяч голосов, и голову наполнило рваной пульсирующей болью. Ноги сделались ватными, тело непослушным, и Эльза обмякла на полу, потеряв сознание.

Глава 3

– Пемброук! Пемброук, да что с вами? – растерянный голос доносился из темноты, и Эльза не понимала, кого это зовут. Потом вспомнила, что Пемброук это теперь она, и поплыла сквозь мрак на этот зов.

Пришло прикосновение к щеке – кто-то стучал по ней двумя пальцами, по-медицински. Открыв глаза, Эльза увидела над собой высокий потолок с изящной фреской: сова, символ античной богини мудрости, распростерла крылья над миром.

– Пемброук!

В поле зрения возникло лицо Скалпина – лорд-хранитель библиотеки выглядел потрясенным и испуганным. Эльза попыталась улыбнуться.

– Ничего страшного, – прошептала она. – Просто закружилась голова.

– Просто? – растерянность ушла из темного взгляда Берна, теперь там было только раздражение. – Вы провалялись здесь минимум полчаса!

Скалпин осекся, наверно, решив, что Эльзу не за что распекать так, как это делает он – протянул руку, помог подняться. Пол снова заскользил под ногами, но Эльза сумела устоять.

Обморок. Дурацкий обморок – а вдруг она носит дитя? Матушка рассказывала, что всегда теряла сознание, когда вынашивала Эльзу и ее сестер? От этой мысли Эльзу бросило в жар, который сменился мгновенным холодом.

– Я... засыпала мох в кормушки, – сказала Эльза, стараясь говорить спокойно и ровно, с шепоткой светской небрежности. – Потом посмотрела на этот манускрипт, и голова закружилась.

Берн вздохнул и улыбнулся – и тотчас же задавил эту улыбку, сделавшись серьезным и строгим. Поправил манжет, и Эльза не успела увидеть, насколько сильно там потемнела кожа.

Кто же его проклял? Может быть, женщина, которая полюбила, а лорд-хранитель библиотеки не ответил на ее чувство? Хотя какая это любовь, если она готова проклинать...

– Что это за колесо? – спросила Эльза. Отступила от витрины с манускриптом, едва не сбив чашу кормушки у соседней – Берн посмотрел с нескрываемым неудовольствием, словно хотел выбрать за неловкость.

– Хроноворот, – ответил он. – Божество времени. Все эти люди молят его о том, чтобы оно двигалось быстрее или медленнее. Но колесо хроноворота крутится так, как считает нужным.

– В моем случае оно перевернулось, – глухо сказала Эльза. – И с ректором Стоуном тоже. Берн понимающе кивнул.

– Никто не знает, почему так происходит. Но наверно, каждый хотел бы вернуться в прошлое. Исправить ошибки.

– И вы тоже? – спросила Эльза.

Лицо Скалпина наполнилось тяжестью, превратилось в бледный лик мраморной статуи.

– Разумеется, – ответил он. – Идемте отсюда, Пемброук. Манускрипты буду кормить я, а то вы, не дай Бог, снова упадете.

Эльзе послышалась в его словах насмешка, за которой Скалпин пытался спрятать волнение. Они вышли из отдела, Берн закрыл за собой дверь, и Эльза спросила:

– Что теперь?

Берн пожал плечами.

– Скоро ужин. Потом можете делать все, что захотите, я вам не советчик, – в голосе прорвалось раздражение. – Если приехала Виктория, можете обсудить с ней столичную моду, или о чем вы там, женщины, болтаете.

– Кто такая Виктория? – поинтересовалась Эльза.

– Преподает боевую магию у первокурсников, вы можете подружиться, – отрывисто бросил Скалпин. – Больше не задерживаю вас, идите.

Эльза еще раз поблагодарила его, заметила, как нервно дрогнуло лицо лорда-хранителя и покинула библиотеку.

Сердце Академии было залито тихим ровным светом. Возле лестниц копились тени, дверь в ректорат была приоткрыта, но оттуда не доносилось ни звука. Кругом царила благоговейная тишина – но скоро съедутся студенты, и она лопнет, словно мыльный пузырь.

Когда-то они с Лионелем пускали мыльные пузыри с балкона – Эльза тогда еще удивлялась, как это солидному человеку, генералу, нравится такая почти детская забава? Весь мир тогда казался Эльзе залитым солнцем, весенним и свежим – и она не знала еще, что в нем будет выстрел, предательство и измена. Воспоминание пришло и безжалостно обожгло душу напрасными уже вопросами: за что? Почему все так случилось именно с ней?

Она отомстила Лионелю сразу же – качнулся хроноворот, вернул ее, все отменил, но Господи, как же от этого было больно!

Эльза еще не успела привыкнуть к этой боли. Прошло всего два дня – с ней столько всего случилось, она полностью изменила свою жизнь, и боль притупилась, заслоненная множеством событий, но еще не ушла. Все-таки не ушла.

Она не принадлежала к тем холодным рассудочным счастливицам, которые способны слушать только голос разума и сразу же отодвигать в сторону любое чувство. Да, Эльза понимала, что смогла выжить и отомстить, что теперь будет строить жизнь по-своему, у нее есть работа, крыша над головой и выплаты от государя – но это пока не помогало ей просто стряхнуть все, что случилось, и идти дальше.

И Эльза сползла по стене и беззвучно разрыдалась – одинокая, слабая, никому не нужная.

В Сердце академии никто не появился, иначе Эльза умерла бы от стыда, если бы ее увидели плачущей. Вскоре она взяла себя в руки, поднялась и направилась в сторону двери, ведущей в общежитие преподавателей и сотрудников.

В коридоре здесь горел ровный белый свет, и пейзажи на стенах сменились на натюрморты в стиле фладрайцев, с куропатками и спелыми фруктами. Одна из дверей в комнату была открыта настежь – в коридор высунулась высокая молодая женщина, лет на пять старше Эльзы, и радостно воскликнула:

– Хвала Небесам, хоть кто-то здесь есть! Иди сюда скорее!

Эльза кивнула и послушно зашла в комнату. Здесь все было вверх дном – несколько чемоданов валялись на полу, разинув рты и показывая платья и костюмы, дверцы шкафа были распахнуты, а длинная деревянная доска над окном висела на одном гвозде.

– Вот это поддержи, – незнакомка сразу же сунула в руки Эльзе большую коробку, в которой лежали причудливые артефакты, похожие на елочные игрушки на нитках.

Женщина легко запрыгнула на стол и принялась поправлять доску, ловко прибивая к стене ее правый край. Каштановые волосы незнакомки были собраны в тугий хвост на затылке, одета она была практически по-мужски, в темно-синие бриджи и свободную рубашку, и Эльза удивленно замерла, глядя, как женщина ловко работает молотком. Леди – и с инструментом, который можно увидеть только в руках мужчины. Несколько ударов – и вот доска надежно закреплена.

– Давай-ка коробку! – незнакомка протянула руку, Эльза передала ей коробку, и женщина принялась аккуратно развешивать артефакты над окном.

– Зачем... тебе столько? – спросила Эльза, подавив желание обратиться к соседке на “вы”, как полагалось в свете. Незнакомка щелкнула пальцами по шару артефакта, и тот весело зазвенел и закружился.

– Собственная разработка! – с нескрываемой гордостью заявила женщина. – Если они правильно настроены на общее поле академии, а они, конечно, настроены правильно, то за всю дурацкую осень и не менее дурацкую зиму я ни разу не заболею!

Она обернулась с широкой улыбкой и шуточно поклонилась, словно ожидала аплодисментов. Эльза не смогла не улыбнуться в ответ, настолько обаятельной и живой была незнакомка.

– Отличное изобретение, – одобрила Эльза. Женщина легко спрыгнула со стола и по-мужски протянула руку.

– Виктория МакАрти, преподаватель боевой магии, к вашим услугам, – представилась она. Эльза пожала руку и назвала свое имя и должность, в последний момент вспомнив, что теперь она Пемброук.

Судя по фамилии, искрящимся карим глазам, россыпи веснушек на скулах и манерам на грани их отсутствия, Виктория была из Анкорских штатов за океаном. Непринужденная, изобретательная и энергичная – Эльзе вдруг очень захотелось с ней подружиться.

– У меня есть еще такие, – сказала Виктория и указала молотком на чемодан. – Вон, бери коробку и пойдем к тебе. Или ты хочешь поболеть зимой, поваляться в кровати?

– Ни в коем случае! – воскликнула Эльза. Незадолго до свадьбы она простудилась, простуда быстро перетекла в пневмонию, и Эльза с трудом выкарабкалась – и это в теплом и солнечном центре страны! Что уж будет здесь, в туманной осени и суровой зиме?

– Тогда пошли! – Виктория ловко подхватила доску, приставленную к шкафу, и Эльза не смогла не сделать комплимент:

– Ты так здорово обращаешься со всеми этими вещами!

– Ну во-первых, у меня трое братьев, – ответила Виктория, когда они вышли в коридор. – А во-вторых, руки из нужного места это не привилегия мужчин. Всегда, знаешь, раздражало вот это: прикинуться слабенькой и глупенькой, чтобы парень мог забить гвоздь и почувствовать себя королем. Я и сама могу забить гвоздь, а тем, кто выделяется, в голову.

Комната Эльзы показалась какой-то сдержанной и скучной рядом с веселым хаосом, который царил у Виктории. Новая знакомая с той же ловкостью забралась на письменный стол, быстро приколотила доску над окном, и вскоре комнату наполнило мягкое сияние артефактов. Виктория с довольным видом оценила их сияние и спросила:

– Как думаешь, Серпентина захочет себе такие?

Эльза невольно улыбнулась, настолько непринужденно это было сказано.

– Наверняка! У тебя есть еще?

– Есть! – ответила Виктория, спрыгнув со стола и отряхивая руки. – Но тебе они ничего не стоят, потому что ты мне понравилась. А с Серпентины я возьму хорошую цену, она вечно шмыгает носом. Ну и да, она мне не нравится. В столовую? Я голодная, как волк!

На ужин подали курицу с жареным картофелем, зеленым горошком и морковью. Эльза ожидала, что Виктория будет есть быстро и резко, как какой-нибудь работяга, но ее новая знакомая изящно орудовала ножом и вилкой и ела маленькими кусочками и бесшумно.

Серафина пришла позже – едва заметно кивнула Виктории, на Эльзу даже не взглянула. Когда она уселась за столом подальше от них, Виктория негромко спросила:

– Когда это ты успела ей навредить? Признавайся!

– Сама не знаю, – ответила Эльза. – Днем она назвала меня недоразумением и получила ответную любезность. Потом посоветовала мне не строить планов насчет лорда-хранителя библиотеки.

– О! – протянула Виктория, откинувшись на спинку стула. – Старая история! Мне в свое время дали тот же совет, ну и я тоже дала. Поджопник, чтобы дамочка не лезла не в свое дело! Угадай, у кого теперь самое дурацкое расписание на свете?

В столовую вошел Скалпин – сосредоточенный, почти суровый. По сторонам он не смотрел – сел за стол в одиночестве, и Серафина тотчас же взяла свою тарелку и пересела к нему, словно показывала всем, что место рядом с Берном занято. Виктория усмехнулась, словно хотела сказать какую-то шутку, но тотчас же нахмурилась.

– Погоди-ка! – негромко сказала она. – Он проклят?

Эльза удивленно посмотрела на нее.

– Ты способна чувствовать проклятия? Как ректор Стоун?

– Уже видела Стоуна? – улыбнулась Виктория. – Забавный старикашка, правда? Ну и да, я чувствую проклятия, и все, кто из штата Лонд-на-гар, их чувствуют. Такова наша природа. У Скалпина, например, любовное. И заковыристое!

Виктория сощурилась, вглядываясь в Берна, который резал курицу и кивал в ответ на слова Серафины, но было ясно, что он почти не слушает помощницу ректора. В столовую вошел Стоун, и Эльза отметила, что его пышные кудри не удержали завивку на весь день и стали распрямляться.

– Ничего себе! – покачала головой Виктория. – Смотри, какая интересная штука: старина Скалпин проклят так, что если начнет влюбляться в кого-нибудь, то проклятие разрастется и уничтожит его! Пусть Серпентина и дальше к нему липнет!

Эльза удивленно посмотрела на новую знакомую.

– Ты хочешь, чтобы проклятие разрослось?

Виктория звонко рассмеялась на всю столовую – так, что ректор Стоун, который сел рядом с седовласой строгой женщиной, пробормотал, даже не глядя в их сторону: “О, Виктория уже приехала”.

– Да какой болван влюбится в Серпентину? Во-первых, она липучка. Во-вторых, она редкостная дрянь. Для одной остановки сгодится, но для чего-то серьезного – ох, простите, нет!

– Что такое одна остановка? – спросила Эльза. Виктория очень внимательно посмотрела на нее и вздохнула.

– Одна ночь мужчины и женщины, с горячим сексом, но без серьезных намерений, вроде свадьбы, цветочек ты мой нецелованный.

Эльза очень выразительно посмотрела на Викторию. Жители Анкорских штатов всегда очень вольно и непринужденно говорят об отношениях мужчины и женщины и действуют так же – но Виктория была первой анкоряжкой, которую встретила Эльза, и ее свобода нрава невольно поражала.

Но проклятие! Если Берн влюбится, то погибнет?

– Бог с ней, с Серафиной, – сказала Эльза, хотя рядом с этой женщиной невольно хотелось помянуть Пекло. – Проклятие! Как от него избавиться?

Виктория пожала плечами.

– Темные проклятия очень затейливая вещь. Какие-то можно снять, например, с кровью их создателя. Какие-то отчитывают в монастырях. Но раз Берн тут, а не в монастыре, его дело скверно. Он не орал на тебя?

Эльза вздохнула.

– Нет, но вел себя странно. Говорил так, будто я сюда приехала крутить романы и должна вести себя прилично.

Виктория покачала головой. Стукнула по краю стола – на скатерти возник десерт: завитая булочка и клубничное желе.

– Неудивительно. Ты очаровательна и мила, ты в его вкусе, вы вместе работаете, и он не хочет в тебя влюбиться. Конечно, он будет рычать! Может, даже попробует надеть на тебя мешок, как на архипелагах Гон-Гуар.

Золотоглазые жители тропических архипелагов Гон-Гуар одевали своих женщин в темно-синие непроницаемые одеяния с прорезью для глаз, и правда похожие на мешки. Эльза задумчиво поддела на вилку россыпь горошинок, мысленно повторив: “Ты в его вкусе”. “Не хочет влюбиться”.

Сейчас ей было не до любви – но это объясняло все странности в поведении Скалпина. Он пытался, как мог, отстраниться от нее – видеть в Эльзе просто коллегу, несчастную девушку, которую государь получил его заботам.

И не мог. И понимал, что не может.

Поэтому и рычал.

– Ты очень изобретательна, – сказала Эльза, и Виктория шутливо поклонилась, принимая похвалу. – Может быть, можно что-то придумать, чтобы избавить лорда-хранителя от проклятия?

Виктория пожала плечами.

– Он мне нравится, – призналась она. – Чисто по-человечески нравится, он нормальный мужик, правильный. Ты права, надо будет что-то придумать.

Эльза невольно улыбнулась, Виктория толкнула ее локтем, и обе они рассмеялись, как смеются хорошие друзья над хорошей шуткой.

Но смех оборвался, когда в столовую вошел следователь Геллерт – скользнул взглядом по ужинающим преподавателям, посмотрел в свою записную книжку и распорядился:

– Эльза Пемброук, прошу за мной.

Эльза растерянно поднялась из-за стола, чувствуя себя заключенной, которую ведут на казнь. Мысли застывали, сердце застучало быстро-быстро – Виктория растерянно посмотрела на нее и негромко спросила:

– Это еще кто?

Скалпин бросил на стол салфетку, встал и быстрым шагом пошел по проходу среди столов. Серафина удивленно смотрела ему вслед. Геллерт окинул Берна пристальным взглядом и произнес:

– Вас я пока не вызывал.

– Мне поручено присматривать за госпожой Пемброук, – сдержанно ответил Берн. – Все допросы и разговоры – пожалуйста, в моем присутствии.

Геллерт сощурился, и шрам на его голове покраснел. Следователь кивнул.

– Идемте.

Эльзе никогда не приходилось бывать на допросах, но войдя за Геллертом в пустой ректорат, она поняла, что это именно допрос, а не дружеская беседа, и разговор предстоит серьезный. Геллерт прикрыл за собой дверь маленькой переговорной, где проводили собрания коллектива, сел во главе стола и резким движением открыл свой блокнот.

– Когда, говорите, вы приехали в Гиладан?

– Утром, – ответила Эльза, и Берн кивнул, подтверждая. Он сел рядом с ней, вытянул на стол сцепленные в замок руки, и Эльза увидела потемневшую кожу на запястье.

Вроде бы пятно не стало больше. Вроде бы.

– Да, мы приехали вместе, – подтвердил Скалпин. – Джемс нас встречал.

Геллерт кивнул.

– А что произошло в библиотеке? – спросил он. – Вы как-то оживили хроноворот?

Откуда он знает?

Эльзе захотелось посмотреть на Берна – но она решила, что ее взгляд будет попыткой сообщницы найти помощь.

– Я упала в обморок возле манускрипта, – искренне ответила она, – вот и все. Что значит “оживила хроноворот”?

Берн взглянул на следователя так, словно ожидал подробного ответа. Геллерт снял часы с тощего запястья и положил перед собой.

– Они перепрыгнули на пять минут вперед. Потом – на пять минут назад. Я уточнил у некоторых ваших коллег: их часы устроили такую же штуку. А артефакты ректора Стоуна показали резкий скачок временного поля. Такого в академии не было, значит, скачок связан с новым сотрудником. С вами, госпожа Пемброук.

Эльза вздохнула. Откинувшись на спинку стула.

– Вы ведь тоже впервые в академии, господин Геллерт. Вдруг он связан как раз с вами?

Геллерт довольно улыбнулся.

– В первую очередь я подумал на себя, но увы! Аналитический артефакт показал, что скачок времени никак не связан со мной. А вот с вами – очень даже. Вы уже запускали его, правда? Иначе зачем лорду-хранителю присматривать за вами?

Эльза опустила глаза. Еще одному человеку придется рассказать правду о себе – и понятное дело, это не кончится ничем хорошим. Она посмотрела на Скалпина – тот напрягся, лицо снова отяжелело.

– Боюсь, это дело государственной важности, господин Геллерт, – сдержанно произнес Берн. – Руководство академии в курсе, но я больше никого не могу посвятить в подробности.

Геллерт задумчиво крутил в пальцах карандаш. Рыжий ластик на его конце был стерт почти до основания.

– Вы можете помочь в расследовании, госпожа Пемброук, – сказал Геллерт. – Ответьте только на один вопрос: ваши игры со временем это случайность, или вы можете ими управлять?

– Я никогда не играла со временем! – воскликнула Эльза. – И сегодня я ничего не делала! Оно получилось само.

Следователь очень внимательно смотрел на нее, и Эльза видела, что он искренне старается выглядеть добрым и сердечным, хотя это, в общем-то, ему несвойственно. И он не был ее врагом.

– Все это случайность, – продолжала Эльза. – И я... я бы искренне хотела вам помочь, но... я правда не управляю временем, господин Геллерт. Я не могу прыгнуть в прошлое и посмотреть, кто убил декана Вандеркрофта.

“И проклятие отменить я тоже не могу”, – мысленно закончила она.

– Жаль. Очень жаль, – с искренней печалью произнес Геллерт и перевел взгляд на Берна. – Вы гарантируете, что ваша подопечная безопасна для окружающих?

– Разумеется, – кивнул Скалпин и добавил, не глядя в сторону Эльзы. – Она просто несчастная, которая сумела спастись от большой беды.

За окнами царила густая непроглядная тьма. Стекло покрывали капли дождя. В столице сейчас тоже ливень – возможно, его величество Александр сейчас тоже смотрит в окно и думает о том, насколько ему повезло.

– Хроноворот запускается не просто так, – сказала Эльза. – Он срабатывает, когда надо исправить прошлое и спастись от какого-то несчастья. От смерти. Или помочь другому.

Геллерт понимающе кивнул.

– Слушайте, вот какая у меня идея, – он провел пальцами по шраму, опустил руку. – Если вы связаны с хроноворотом, то, возможно, все-таки сумеете заглянуть в прошлое. Предлагаю пойти со мной в комнату декана Вандеркрофта и провести следственный эксперимент.

– Я совсем не уверена, что у меня что-то получится, – призналась Эльза, и Геллерт усмехнулся.

– Попробовать всегда можно, не правда ли?

Они вышли из ректората и направились в сторону общежития. Двери во многих комнатах сейчас были нараспашку, и их обитатели вроде бы занимались какими-то своими делами, но в то же время держали ушки на макушке. Виктория присела на корточки, развинчивая дверную ручку и что-то напевая себе под нос; когда Эльза проходила мимо, анкорянка спросила:

– Помощь нужна?

Эльза отрицательно покачала головой.

Комната декана Вандеркрофта была опечатана. Геллерт осторожно срезал печати, толкнул дверь плечом, и внутри сразу же вспыхнул свет.

Это место было не просто комнатой, но настоящим приютом ученого и исследователя. Массивный деревянный стол был завален бумагами, книжные шкафы, что поднимались от пола до потолка, едва не трескались от множества книг, а на отдельном столе в углу громоздились пробирки и колбы с разноцветным содержимым. На каминной полке теснились безделушки: причудливая раковина, статуэтка дракона, маленький глобус и серебристая арфа. На спинке стула висела мантия, которая, казалось, еще хранила тепло своего погибшего хозяина.

– Посмотрите, – пригласил Геллерт, обводя рукой комнату. – Может, вы сумеете что-то почувствовать?

Эльза медленно прошла к окну – отсюда была видна одна из башен академии, озаренная светом. Должно быть, вечерами декан Вандеркрофт так же стоял здесь, глядя во тьму – и кто смотрел на него из этой тьмы?

Тьма вдруг сделалась светлее. Эльза удивленно увидела, что дождь перестал – из мрака выступили холмы, над ними снова засинело небо, и солнце, уходящее за горизонт, было тихим и ласковым.

Она обернулась и увидела немолодого человека – седые волосы коротко подстрижены, смуглая кожа изрублена морщинами, серые глаза были полны усталости. Он прошел к рабочему столу, выдвинул один из ящиков и вынул маленький пузырек с аптечной этикеткой из коробки с лекарствами.

Печально улыбнулся, покачал его в пальцах и поднес к губам.

– Пемброук, да что ж такое...

Снова похлопывание по щекам. Эльза ощутила раздражение Берна как россыпь молний, пробежавшую по лицу. Вот и отлично, чем сильнее он на нее злится, тем меньше вероятность, что влюбится.

– Подождите, у меня есть...

К носу Эльзы приложили что-то ледяное и настолько пробирающее, что она порывисто села и открыла глаза. Геллерт убрал от нее тонкую серебряную пластинку, исписанную рунами, и живо осведомился:

– Как вы? Что-то видели?

Скалпин нервно провел рукой по волосам и пробормотал:

– Безумие какое-то...

– Да, – кивнула Эльза, одновременно отвечая на вопрос и соглашаясь. – Вон там, второй ящик сверху. Коробка с лекарствами.

Геллерт утвердительно качнул головой.

– Да, видел, когда делал обыск. Что там?

– Достаньте! – потребовала Эльза. Протянула руку – Скалпин помог ей подняться с ковра, а Геллерт прошел к столу и вынул коробку с лекарствами.

Эльза бросилась к ней, торопливо провела пальцами по этикеткам – вот он, тот пузырек, из которого пил декан Вандеркрофт в ее видении!

– Я видела декана, – объяснила Эльза и показала пузырек следователю. – Видела, как он выпил это.

Геллерт взял пузырек, нахмурился, разглядывая его этикетку. Удивленно перевел взгляд на лорда-хранителя библиотеки.

– Что там? – нетерпеливо осведомился Берн.

– Я был прав! – довольно произнес следователь. – На вашей подопечной остались следы магии хроноворота, и я предположил, что она сумеет заглянуть в прошлое. Вот, сумела!

Он покрутил пузырек в пальцах и уточнил:

– Именно этот? Декан пил именно его содержимое?

– Совершенно точно, – откликнулась Эльза. – Я это ясно видела.

Геллерт вздохнул и развел руками.

– Получается, у нас тут самоубийство. Это викарин.

Эльза и Берн переглянулись. Название ничего им не говорило.

– Викарин это противожелчный препарат, – объяснил Геллерт. – Но для сердечников он смертелен. Если его выпить, то как раз и будет разрыв сердечной сумки. Не сомневаюсь, что декан знал об этом, но раз он пил викарин, значит, осознанно хотел покончить с собой.

Эльзе на миг показалось, что в комнате сделалось темнее. По углам шевельнулись тени, зашептали книги в шкафу, что-то забулькало, переливаясь, на столе для опытов.

– Но почему? – удивился Скалпин. – Что такого случилось, что старина Пауль решил покончить с собой? К тому же, таким варварским методом! Уж простите, у магов много безболезненных способов самоубийства!

Эльза вспомнила лицо декана Вандеркрофта – осунувшееся, усталое. Из него словно ушла вся воля к жизни. Он выглядел, как человек, который тащит невероятный груз и не может его бросить.

Геллерт пожал плечами.

– Ваша правда, – согласился он. – Почему, например, не чары мортеса, когда просто ложишься, засыпаешь и не просыпаешься? Почему настолько мучительный способ?

– Действительно странно, – произнес Берн и вдруг словно вспомнил о том, что Эльза теперь под его наблюдением и спросил: – Вы позволите увести мою подопечную? Ей лучше отдохнуть.

Геллерт снова провел ладонью по лысине.

– Да, разумеется. Спасибо вам за помощь, госпожа Пемброук. Это не скачок в расследовании, а настоящий рывок.

Эльза сдержанно улыбнулась в ответ и вместе с Берном пошла к дверям. Декана Вандеркрофта было жалко до слез – было в нем что-то очень располагающее, пусть Эльза и видела его несколько мгновений.

Виктория уже успела починить дверную ручку – теперь из соседней комнаты слышалось постукивание и энергичный голос анкорянки:

– Сотня крон за это мелочи, Серафин, ты и сама понимаешь. На одни лекарства больше потратишь, а не дай Небо, пневмония? Аптекарь сделает на тебе состояние!

Эльза невольно улыбнулась. Виктория решительно взялась за дело!

Скалпин проводил Эльзу до двери в ее комнату, и девушка невольно обратила внимание на то, что он сжимает челюсти, словно пытается сдержать какие-то слова – и что это похоже на свидание. Лионель тоже провожал ее до дому после прогулок в парке.

Где сейчас Лионель? Сидит на допросе, готовится к казни? Уже неважно. Он изменил жене и убил ее – и заслужил свою судьбу.

– Виктория почувствовала ваше проклятие, – негромко сказала Эльза, открывая дверь, и ноздри Берна дрогнули. – Если вы влюбитесь, оно разрастется и уничтожит вас.

Губы Берна приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но Эльза опередила его.

– Я искренне сочувствую вам, господин Скалпин. И постараюсь найти способ вам помочь.

Берн криво усмехнулся – так родитель смеется над милой серьезностью ребенка, который строит лесенку, чтобы добраться до луны.

– Благодарю, – сухо произнес он и сделал шаг назад. – Не болтайте об этом. И доброй ночи.

Прощавшись, Эльза вошла к комнате, закрыла дверь и привалилась к ней спиной. Только сейчас она поняла, насколько устала, как сильно ее вымотали эти два дня. За окнами царила тьма, крошечная лампа едва разгоняла мрак.

Эльза переоделась ко сну, нырнула под одеяло и вдруг вспомнила, что нужно сказать “Ложись на новом месте, приснись, жених, невесте”, когда ночуешь в чужом доме.

Но теперь академия не чужой дом для нее, а единственный. И никаких женихов ей не надо – слишком плохо все это заканчивается.

“Ничего мне не нужно, – подумала Эльза, закрывая глаза. – Ничего и никого”.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.